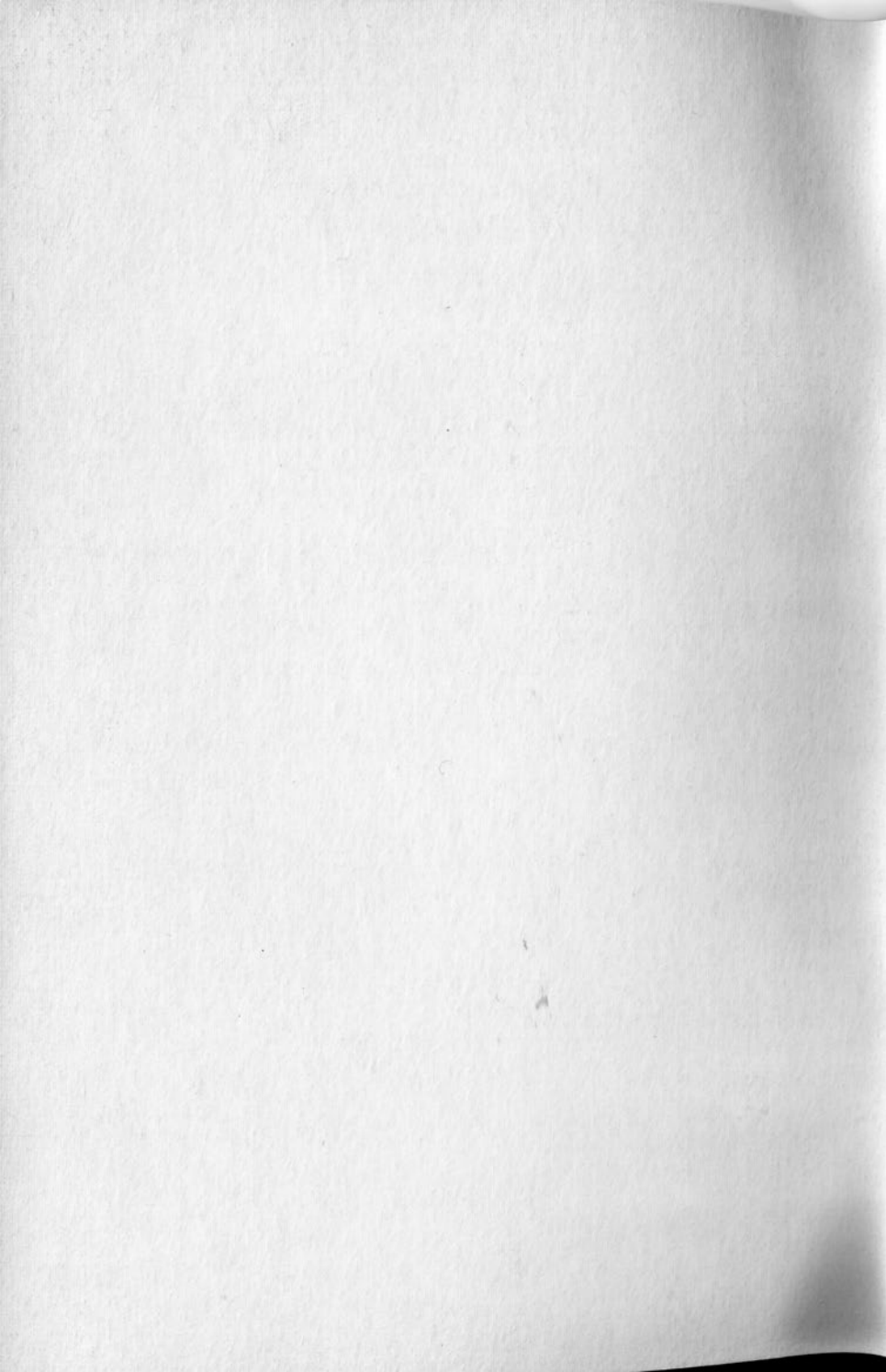

Д. А. ГУТНОВ

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Д.А. ГУТНОВ

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СМУТНОГО ВРЕМЕНИ**

Москва

Издательство «ГИТИС»

1994

Ответственный редактор — Сергеева Т.Д., кандидат
исторических наук

Гутнов Д.А.

Люди и события Смутного времени. — М.: ГИТИС, 1994. —
80 с.

ISBN 5—7196—0277—1

Предлагаемая работа, написана в популярной форме и освещает основные этапы, события и главных действующих лиц исторической драмы Смутного времени в России начала XVII века. Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

© Гутнов Д.А., 1994.

ISBN 5—7196—0277—1

ВВЕДЕНИЕ

XX век в России заканчивается под знаком новой Смуты. Об этом твердят нам многочисленные обозреватели со страниц периодических изданий различных направлений. Терминология из лексикона Смутного времени охотно используется в комментариях животрепещущих событий нашей политической жизни в телевизионных и радиопрограммах. Общество как бы априорно уверено в том, что время, в которое ему пришлось жить — Смутное. Все ищут выход. С новой силой ломаются копыя в извечном споре западников и славянофилов. Их современные наследники, восприняв старые аргументы, дополняют их заимствованной из отечественной революционной практики истинно большевистской непримиримостью и бескомпромиссностью. Это низводит извечную дилемму русской общественной мысли до очередной войны идей на уничтожение. Для основательного и взвешенного анализа происходящего нет ни времени, ни сил. Движение политической конъюнктуры определяет действия и помыслы. На этом фоне как-то незаметно забывается старая истина о том, что без знания своего прошлого невозможно предугадать будущего и найти к нему путь через реальности того времени и места, где нам суждено жить.

Между тем, еще не ушли окончательно с исторической сцены немногочисленные оставшиеся в живых очевидцы тех бурных лет в России начала XX века, которые в свое время в подобных обстоятельствах также ассоциировались у многих современников как смутные. Их горький опыт необходимо учитывать ныне еще в большей степени, чем ранее. Ибо цена ошибок, которые были совершены тогда и зачастую совершаются сейчас, уже хорошо известна. Однако она возрастает по мере того, как каждое новое поколение россиян продолжает с упорством, достойным лучшего применения, пытаться игнорировать уроки истории.

Именно поэтому и именно сегодня наши взгляды обращаются вглубь российской истории. Не первый раз проходит наше Отечество ту стадию своего развития, которая традиционно именуется в народе Смутой. Встает естественный вопрос, что это за феномен нашей исторической реальности, при каких условиях он возникает, что является его неотъемлемыми составляющими, каковы его основные тенденции развития, какими последствиями он оборачивается для страны и каковы могут быть пути и методы, позволяющие если не миновать этой стадии вообще, то ослабить негативные ее последствия.

Среди подобных периодов безвременья на всем историческом пути нашей Родины, временем, которое наиболее рельефно вобрало в себя и отразило все характерные черты феномена русской Смуты, по праву считаются события начала XVII века в Московском государстве. Неслучайно поэтому большинство русских мыслителей прошлого самым пристальным образом рассматривали события тех далеких дней и пытались извлечь из них свои уроки. Вот мнения некоторых из них.

Главный историограф Его Величества Н. М. Карамзин, автор знаменитой "Истории государства Российского", довел повествование своего труда именно до событий Смутного времени начала XVII века. По его убеждению, в основе данного конфликта лежала сложившаяся в России в этот период дисгармония традиционных идей и принципов русской государственности с морально-нравственными устоями русского народа, изрядно пошатнувшимися в годы правления Ивана Грозного. Годы Смуты для Н. М. Карамзина, при всей своей жестокости для истории народа, — это годы нравственного очищения и одновременно испытание на прочность русской государственности, которое завершилось ее укреплением.

Известный русский поэт, общественный деятель и идеолог славянофильства К. С. Аксаков усматривал в Смутном времени возрождение после длительного забвения, связанного с деятельностью Грозного, роли народного, "земского" начала в государственном строительстве. По его мысли, Смута дала непосред-

венный толчок к тому, чтобы в условиях национального кризиса русское общество, забыв про все беды, принесенные ему государственной политикой, сумело объединиться и прийти на помощь национальному государству. Таким образом, "земля" встала как единое целое, восстановила Русское государство и этим скрепила свой союз с ним.

Знаменитый русский историк, профессор русской истории и одно время ректор Московского Университета С. М. Соловьев выводил корни Смуты из старого конфликта между государственным и догосударственным, так называемым "родовым" началом отечественной истории. В ходе бурных событий XVII века Русское государство окончательно победило отжившие, но еще существующие представления о родовом устройстве общества и таким образом вступило в новую стадию своего развития.

Ученик С. М. Соловьева и его преемник по кафедре русской истории Московского Университета В. О. Ключевский видел в Смуте конфликт гораздо более глубинного характера, зревший в недрах русского общества уже давно. По словам ученого, основа Смуты лежала в самом строе Русского государства начала XVII века, с его тяжелым тягловым основанием, непосильными государственными повинностями, конфликтом между различными слоями правящего класса и народным отношением к царской власти вообще, мешавшей освоиться с мыслью о выборном царе. Потребность же восстановить старую династию обеспечила успех самозванства и последовавшую затем политическую и социальную анархию.

В этом же ключе мыслил и другой известный русский историк, профессор русской истории Санкт-Петербургского Университета С. Ф. Платонов. Он полагал, что Смута в Московском государстве начала XVII века есть следствие старых болезней русского общества. Под таковыми он считал длительную борьбу между различными социальными слоями русского общества и, прежде всего, между казачеством и оседлым, тягловым крестьянством. Развитие этого глубинного конфликта, который внешне был оформлен как борьба различных претендентов на мос-

ковский престол, разжигавшийся различными силами, привел к победе оседлых слоев общества и избранию на престол их ставленника — царя Михаила Романова.

Перечень подобных суждений можно было бы продолжать до бесконечности. Однако все это лишний раз свидетельствует о том, что феномен русской Смуты есть не только явление нашей исторической реальности, которое сопровождает Россию на ее историческом пути, но и факт русского общественного сознания, отношение к которому приходится формировать каждому новому поколению россиян, соотносясь со своим историческим опытом, знаниями и переживаемым моментом. Естественно, что гораздо труднее сделать это, являясь современником тех процессов, которые, по крайней мере внешне, очень напоминают реальности Смутного времени. Именно поэтому такая академическая, казалось бы, тема, как "Люди и события Смутного времени в Московском государстве начала XVII века", неожиданно становится злободневной и актуальной и вместе с этим трудноразрешимой в силу неведь откуда взявшейся своей политической актуальности.

Первоначально данная книга замыслилась как публикация одноименного специального курса, написанного для студентов и слушателей Российской академии театрального искусства (ГИТИС). Этот курс имел своей целью более конкретно познакомить слушателей с историческими персонажами того далекого и весьма актуального ныне времени и главными поворотами той исторической драмы, в которой им пришлось действовать. Именно поэтому и книга, получившаяся в ходе работы над спецкурсом, не претендует на исчерпывающий анализ и оценку всех обстоятельств, причин и следствий произошедших тогда событий и поступков главных их действующих лиц. Это лишь попытка по возможности приблизить и еще раз понять драму наших соотечественников, переживших ее три века назад, а также побудить современников на основании этого печального опыта сделать свои выводы, способствующие недопущению его повторения впредь. И если таковое произойдет, то цель, которая стоит перед этой книгой будет достигнута.

* * *

ЗАВЯЗКА ИНТРИГИ

В одну из роковых ночей 1584 года в своих кремлевских покоях, изнемогая от страшной боли, вот уже целый год, как железными тисками, сковывавшей его позвоночник, умирал все- сильный царь Иван Васильевич, прозванный в народе Грозным. Последние дни его физических страданий были дополнены мучительными размышлениями о своем преемнике. Выбор царя был невелик. После трагической смерти его старшего сына — Ивана, убитого им же самим в порыве необузданного гнева, реально на власть могли претендовать его второй сын от первой жены царицы Анастасии — царевич Федор и младший сын от последней жены Марии Нагой — царевич Дмитрий. Однако Дмитрий к описываемому моменту находился еще в младенческом возрасте. Личность же Федора позволяла серьезно сомневаться в его способностях управлять государством.

Воспитанный в затхлой атмосфере Александровой слободы, подвергавшийся систематическому подавлению воли со стороны отца, царевич Федор не отличался ни задатками государственного мужа, ни подобающим этим задаткам здоровьем. С детства он был слаб в ногах, болел водянкой. На лице его нередко была повергавшая всех в растерянность неосмысленная улыбка. Английский посол Флетчер в своих депешах в Лондон писал, что Федор "...прост и слабоумен, мало способен к делам политическим и суеверен". Ему вторил папский нунций Антонио Поссевино, который считал, что умственная неполноценность нового царя граничит с идиотизмом, почти с безумием. Основными занятиями царевича были долгие молитвы в уединении, посещение монастырей и отправление разного рода церковных обрядов. Хорошо зная характер сына, Грозный отдельным пунктом своего завещания назначил ему в помощь для исполнения государственных надобностей регентский совет из числа наиболее влиятельных представителей знати того времени.

Сразу же после церемонии венчания на царство 31 мая 1584 года, в условиях политического безволия нового монарха, в его окружении развернулась борьба за влияние на царя. Первой ее жертвой пал видный вельможа того времени, глава опричного войска царя Ивана Грозного — Богдан Бельский и ряд его ближайших сторонников. На волне этих дворцовых интриг большое влияние в Кремле получил близкий родственник нового монарха Борис Годунов.

Согласно широко распространенным слухам того времени, род Годуновых происходил от крещенного татарского мурзы Чети, вывезенного из Золотой Орды в 1329 году в бытность правления Московским княжеством еще Ивана Калиты и принявшего при своем крещении имя Захарии. Именно поэтому родовитые бояре презрительно называли Годунова, когда он стал царем, "татарским мурзой на троне". Однако последние изыскания в области генеалогии подвергают эту легенду серьезной критике. По этим данным, предки Годуновых были исконными костромскими дворянами, издревле служившими московским князьям.

Восхождение Бориса началось после того, как он, будучи мало кому известным и незнатным дворянином, вступил в опричнину и сблизился с любимцем Ивана Грозного Малютой Скуратовым. При покровительстве последнего он получает последовательно два важных чина при Московском дворе XVI — XVII веков. Годунов становится сначала стряпчим по придворной части самого царя, а затем и постельничим у Грозного. Дружеские отношения с Малютой обеспечили ему прекрасную партию. Вскоре Борис женится на дочери главного царского опричника. Последовавший несколько позже выбор царевичем Федором сестры Годунова — Ирины в качестве своей невесты только упрочил положение зятя Скуратова при дворе и гарантировал ему получение боярского чина.

И вот теперь царь Федор жаловал своего шурина. Годунов получил титул ближнего боярина, наместника Казанского и Астраханского царств, большие земельные владения по берегам

рек Москвы и Ваги, исключительные права на сбор различных казенных сборов с Московских, Тверских, Северских, Казанских земель. Однако расположение царя сказывалось не только на богатстве его ближайшего родственника. Постепенно росло и укреплялось влияние Годунова на политику государства, и это правилось далеко не всем. В первую очередь речь идет о представителях известнейших старобоярских фамилий, кичившихся своей родовитостью и династическими связями с Московским двором. Среди открытых противников Бориса из их числа были князья Мстиславские и бояре Шуйские.

Первое открытое столкновение Годунова с оппозицией произошло в 1585 году, когда по настоянию шурина царя Дума приняла решение провести ревизию государственной казны. Руководил этим ведомством ставленник оппозиционеров боярин Петр Головин. Поэтому казна являлась вотчиной бояр Мстиславских-Шуйских, часто злоупотреблявших, мягко выражаясь, государственными средствами. Когда же там не оказалось крупной суммы, то пострадал не только сам казначей (он был подвергнут унижительной публичной казни и отправлен в ссылку), но и его покровители. Так в создавшейся напряженной атмосфере после этого инцидента по Москве был пущен слух, что князь Иван Мстиславский хотел заманить к себе Годунова и затем убить во время пира. Этому охотно поверили. В этих условиях 23 июля 1583 года престарелый князь вынужден был добровольно покинуть политическую сцену, приняв пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре.

Затем настала очередь и главы боярской оппозиции — боярина Ивана Петровича Шуйского. Он не упускал случая, чтобы не отметить низкое происхождение царского шурина. Напряжение между ним и Годуновым росло, и даже митрополит Крутицкий пытался их помирить. Однако, помирившись на словах, оба продолжали готовиться к решительной схватке. Первым удар нанес Шуйский.

Как известно, царь Федор был бездетен. Для продолжения династии же требовался наследник. Мотивируя такое

положение неспособностью царицы Ирины родить ребенка, группа оппозиционно настроенных бояр во главе с Шуйским задумала подать челобитную царю, в которой просить его во имя продолжения династии дать развод бездетной царице. Цели заговорщиков просматривались более чем явно, именно: лишить Бориса главного рычага своего влияния на царя. Да и кандидатура на замещение царицы Ирины тоже существовала — дочь опального князя Мстиславского. Негласно заговорщиков поддерживал сам митрополит Дионисий.

Однако Борис Годунов прознал про этот план через своих агентов намного ранее, чем челобитная успела попасть на глаза царю. Годунов нанес визит митрополиту и заявил, что он знает об этом документе и об участии владыки Дионисия в его составлении. Развод, по мнению Годунова, был бы делом незаконным и бесполезным, учитывая, что Федор и Ирина еще молоды и вполне могут иметь детей. Уличенный в нелояльности режиму, Дионисий пошел на попятную и стал уговаривать Шуйского не делать опрометчивых шагов. Годунов же в свою очередь как бы забыл о произошедшем.

Некоторое время спустя один из холопов Шуйских — Федор Старов подал царю челобитную, в которой обвинял своих хозяев в подготовке нового заговора. Несмотря на то, что уже тогда существовало сильное подозрение, что этот донос ложный и был инспирирован самим Годуновым, князей Ивана и Андрея Шуйских взяли под стражу, а вместе с ними и князя Василия Скопина-Шуйского, князей Татевых, Колычевых, Урусовых, Быковых. После допросов и пыток Шуйские были высланы по своим вотчинам в ссылку, а княжну Мстиславскую постригли в монахини.

Таким образом, после всех этих драматических событий у царского шурина, казалось бы, не оставалось серьезных политических противников, кроме малолетнего царевича Дмитрия, оказавшегося сразу же после смерти отца в 1584 году в ходе всех этих политических перипетий с матерью и дядьями в выделенном ему по завещанию Грозного уделе в Угличе. Общий надзор

за сановной семьей осуществлял дьяк Михайло Битяговский, согладаясь Бориса, приставленный к угличскому двору в качестве главного казначея выделявшихся на содержание царевича денег.

Поскольку нахождение последнего там более напоминало домашний арест, то обширных свидетельств о личности и характере будущего наследника престола не сохранилось. Да и собственно не могло сохраниться, ибо согладаясь из Москвы, которыми был заполнен угличский двор, воспринимали некоторые странности в поведении Дмитрия как проявления ещё несформировавшейся личности малолетнего царевича. Между тем, даже при самом беглом взгляде на поведение последнего, нельзя было не отметить ряда аномалий. Ни для кого не было секретом, что царевич страдал "падучей". Приступы, во время которых он падал на пол без сознания и бился в судорогах, повторялись с зловещей регулярностью. Были и другие симптомы. По слухам, в свои шесть лет Дмитрий выказывал наклонности, поразительно напоминавшие те, которые отмечали у его отца в том же возрасте. Так, он любил смотреть, как убивают домашних животных, и сам иногда потехи ради забавлялся тем, что забивал палкой бродячих собак до смерти. Были и другие примеры его странностей.

Так или иначе, но история не дала возможности им развиваться до конца. При невыясненных обстоятельствах он погиб во дворе своей угличской резиденции 15 мая 1591 года. Как только скорбная весть о кончине наследника престола достигла столицы, в Углич была спешно направлена следственная комиссия в составе боярина Василия Ивановича Шуйского (сына Ивана Петровича), окольничего Андрея Клепнина, дьяка Вылузгина и митрополита Крутицкого Гелласия. Проведенное расследование представило следующую картину.

15 мая 1591 года в 6 часов пополудни царица с сыном возвратилась из церкви и собиралась обедать. Слухи готовили трапезу и накрывали на стол. Пока шли приготовления, мамка царевича — боярыня Василиса Волохова позвала Дмитрия гулять, благо во дворе дети играли в "тычку". Кормилица царевича Ан-

на Колобова, присутствовавшая тут же, несколько замешкалась, не пуская ребенка во двор, видимо, ожидая царицу, которая хотела спуститься в сени вместе с сыном. Но боярыня Волохова взяла Дмитрия за руку и вывела его во двор.

Что происходило дальше доподлинно неизвестно. Факт заключается в том, что Дмитрий был убит или же погиб вследствие трагической случайности на глазах у Василисы Волоховой. Вышедшая из сеней царица видела уже труп мальчика. Ударили в набат. Когда народ сбежался к княжескому двору, то увидели царицу, бившуюся в истерике над еще не остывшим трупом сына. Нагая указывала на стоявших поблизости сына дядка Михаила Битяговского — Даниила, сына Василисы Волоховой — Осипа Волохова и Никиту Качалова, как на убийц Дмитрия. На звон колоколов прискакал сам Михайло Битяговский. Он пытался как-то совладать с ситуацией, разогнать толпу, унять звоняря, продолжавшего бить в набат. Однако все оказалось тщетно. Народ принялся ловить убийц. Последние пытались скрыться, но это только прибавило ярости толпе. Все четверо были пойманы и убиты.

Таким образом, прибывшие следователи не имели возможности допрашивать самих обвиняемых и довольствовались лишь показаниями непосредственных свидетелей обвинения. Все они, как дети, участвовавшие в игре, так и взрослые, наблюдавшие за ней, дали следующие показания. Как говорил главный свидетель по делу, игравший с царевичем в "тычку", Петрушка Колобов: "...Играл де царевич в тычку ножичком на заднем дворе и пришла на него болезнь падучий недуг и набросился он на нож". За ним с поразительным единодушием вторили и другие допрашиваемые. Василиса Волохова говорила следователям, что "...царевич сам себя ножом поколол в горло и било его долго, да тут его и не стало". Арина Колобова также повторяла: "...Пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был ножик в руках и он тем ножичком сам покололся". И только царица Мария и дядя царевича продолжали настаивать на том, что наследник погиб насильственной смертью. Очевидно, опу-

шающаяся стереотипность вопросов и большинства ответов на них заставляла многих историков сомневаться в искренности допрашиваемых и подлинности самих материалов дела. Однако к этому мы еще вернемся в связи с другим сюжетом истории Смуты несколько позже.

Так или иначе, но именно эти показания легли в основу выводов следственной комиссии, квалифицировавшей произошедшее как несчастный случай. Однако множество обстоятельств, связанных с этой гибелью, до сих пор окутано настолько густым покровом таинственности и недосказанности, а следствие велось настолько односторонне, что его результаты убедили в то время не всех, да и сегодня служат предметом постоянных дискуссий для историков. В частности, следователи почему-то совершенно не интересовались вещественными доказательствами дела (не был найден и идентифицирован нож, ставший причиной смерти царевича), не уделили они и должного внимания версии о возможном умышленном убийстве Дмитрия, на которой настаивали его ближайшие родственники. Высказываются обоснованные (с медицинской точки зрения) сомнения в том, что царевич мог "поколоться ножиком" во время эпилептического припадка и др.

Подозрения в истинности выводов следствия были и у современников этого события. Не удивительно, что в контексте всего сказанного выше в народе стали поговаривать не о несчастном случае, а о политическом убийстве. Тень руководителя и организатора заговора легла, по сути, на единственное, как казалось, заинтересованное в таком исходе событий лицо — царского шурина.

В довершение всего в 1598 году безвременно ушел из жизни, не оставив наследника, царь Федор Иоаннович. Разразился династический кризис. Чтобы как-то преодолеть его, многие потребовали венчать на царство царицу Ирину. Однако та, неожиданно для всех, постриглась в монахини Новодевичьего монастыря. Тогда из уст патриарха Иова впервые прозвучала идея о венчании на царство Бориса Годунова. Без сомнения, Иов был

обязан Борису своим избранием первым Патриархом Русской Православной Церкви, которое состоялось после визита в Россию Константинопольского Патриарха Иеремии в 1589 году. Сейчас трудно судить, был ли это сознательный сговор светской и духовной власти или же личная позиция иерарха. Однако поначалу Борис наотрез отказался от этой идеи. Иов также продолжал упорствовать и даже предложил собрать Земский собор для утверждения такого решения авторитетом данного уважаемого собрания. Собор состоялся 17 февраля 1598 г. Но, добившись требуемого решения Земского собора, патриарх не смог убедить Годунова взойти на престол. Лишь угрозы отлучить его

Борис Годунов

от церкви заставили Бориса изменить свое решение. 21 февраля того же года после организованного патриархом крестного хода к стенам Новодевичьего монастыря, где будущий царь проводил время в молитвах в обществе своей сестры (вдовствующей царицы Ирины), Годунов сделал выбор.

По случаю его восшествия на престол в столице были проведены большие празднества, объявлена всеобщая амнистия. Вдовы, сироты, нищие получили от царя щедрую милостыню. На некоторое время были прекращены все казни.

Между тем застарелые противоречия в русском обществе, которые вели свое начало еще со времен царствования Ивана Грозного, продолжали обостряться, а последствия Ливонской войны и опричнины накаляли и без того натянутые отношения в государстве.

И прежде всего это касалось отношений служилого и тяглого сословий русского общества. Задавленные бесконечными военными поборами, общим разорением и нуждой, крестьяне, являвшиеся основой экономической стабильности государства, стремились уйти от все увеличивавшихся налогов и податей во вновь открытые земли Поволжья и Сибири. Такой массовый отток рабочих рук не только приводил к их недостатку в Центре страны, но и ложился тяжелым бременем на тех, кто еще оставался под помещичьим тяглом. Постоянная нестабильность на внешних рубежах страны и неурядицы внутри её со времен Ивана Грозного требовали постоянного расширения служилого сословия, составлявшего основу дворянского войска. Последнее обстоятельство в свою очередь заставляло государство выделять все больше и больше новых помещичьих земель для его содержания. Работа на этих землях требовала новых рабочих рук. Все это, при стремительном их убывании, вынуждало новых хозяев помещичьих земель всеми способами увеличивать подати и повинности с наличного крестьянского населения, да и вообще, как только возможно, закреплять наличное крестьянское население на своей земле. Это же обстоятельство лишь стимулировало дальнейшее участие крестьян в процессе колонизации новых земель. Нравственный и моральный кризис всего общества,

связанный с опричной политикой царя Ивана, лишь усугублял дело.

Поэтому, пожалуй, лишь духовенство и часть дворян были полностью удовлетворены правлением нового государя. В народе же Годунов не получил такой широкой популярности. Защищая интересы дворян-помещиков, Борис издает непопулярные законы о прикреплении крестьян к земле, указы об урочных летах, закон о холопстве. Все попытки закрепить крестьян на помещичьих землях вызывали обратную реакцию. Крестьяне целыми селами покидали обжитые места и уходили на Восток. Чтобы их удержать, помещики стали широко применять практику закабаления крестьян в холопы.

В дополнение всех бед 1603 и 1604 годы в Центральной России выдались страшно неурожайные. Хлеб из-за поздних заморозков померз на корню. Страна наполнилась толпами голодных и нищих. И несмотря на то, что Борис, пытаясь спасти свой авторитет, открыл государственные закрома и раздавал деньги на пропитание нуждающимся, напряжение в обществе росло. В народе сложилось убеждение, что Борис "...де несчастен в царстве"...

* * *

САМОЗВАНЕЦ

В самый напряженный момент в начале злополучного 1604 года на русско-шведской границе было перехвачено письмо одного иноземца из Нарвы, где черным по белому было написано, что будто бы сын Ивана Грозного Дмитрий не был убит в 1591 году, а счастливо спасся и сейчас находится у казаков и скоро собирается в Москву с большим войском.

Первое упоминание о личности, вошедшей в русскую историю под именем Лжедмитрия I, мы встречаем в записях Киево-Печерского монастыря. Согласно этим свидетельствам, интересующий нас человек на рубеже XVI—XVII веков появился в Киеве в монашеском одеянии. Следующий след будущего самозванца мы находим в г.Гоце на Волыни. Там жили тогда два известных деятеля польской духовной оппозиции — отец и сын Гойские. Оба были приверженцами так называемой арианской секты и всемерно распространяли основные положения этого учения. Они, помимо всего прочего, содержали в Гоце две духовные школы. Тут-то и провел будущий самозванец три года перед тем, как попасть в свиту богатого польского магната Адама Вишневецкого.

Именно там и стало известно, что скромный молодой человек свиты вельможного польского пана и есть сам счастливо спасшийся царевич. Говорят, что это выяснилось, когда он сильно заболел и даже позвал духовника, чтобы причаститься. Ему-то юноша и открыл свою тайну, представив в доказательство некую грамоту, которую хранил у себя под матрацем. По другой версии, у него с паном Вишневецким вышел конфликт, и последний его хорошенько побил. Слуга горько заплакал и открыл князю свое царское происхождение, показав ему большой нагательный крест, богато украшенный драгоценными камнями, как свидетельство своего благородного происхождения.

Так или иначе, но после того, как эта поразительная новость стала известна, князь Адам поделился ею со своим братом князем Константином Вишневецким, и уже вдвоем они повезли самозванца в дом к тестю последнего, сандомирскому воеводе пану Юрию Мнишеку. Пан Мнишек обладал крайне дурной репутацией в высшем польском обществе. В свое время он приобрел свою силу и влияние тем, что потакал самым низменным страстям предыдущего польского короля Сигизмунда-Августа, доставляя ко двору монарха разного рода ведуний и проституток. В непрерывной череде дворцовых оргий и вакханалий пан Юрий не забывал и о себе. После безвременной кончины распутного короля казна оказалась до того пустой, что не на что было устроить достойные проводы почившему монарху. Подозрение в деятельном участии в разграблении государственных средств пало на Мнишека. Его даже чуть не привлекли к суду. Однако новый король Сигизмунд III решил не связываться со старым прохвостом, справедливо полагая, что если тот скажет на суде хотя бы сотую долю того, что знает, то разразится скандал, гораздо больший, нежели тот, в который попал Мнишек. Поэтому монарх поступил иначе. Он одарил пана Юрия чином сандомирского воеводы, дал в пользование государственные экономии и удалил подальше из столицы.

Не будучи рачительным хозяином, но привыкши жить на широкую ногу, Юрий Мнишек очень быстро спустил все, что им было нагреблено в молодости, довел государственные экономии до состояния полной нищеты и к интересующему нас времени спускал свой последний стратегический запас. Вот уже несколько лет он жил тем, что выдавал своих дочерей замуж за состоятельных женихов, способных оплачивать его долги. Пан Константин Вишневецкий имел счастье быть одним из его зятьев. И вот в его руки попал не кто иной, как сам русский царь!

Лжедмитрий I

В доме сандомирского воеводы Лжедмитрию были оказаны царские почести, а весть об этом событии полетела дальше и вскоре достигла столицы Речи Посполитой Кракова. Король Сигизмунд III, который в то время пребывал на польском престоле, являлся большим поборником римско-католической церкви и находился под сильным влиянием иезуитов. Видимо, именно иезуиты убедили его, что появление самозванца и есть тот самый случай, когда польская корона может сыграть решающую роль в утверждении католицизма на православном Востоке. Король повелел привезти молодого человека в столицу.

В конце марта 1604 года самозванец был туда доставлен, и иезуиты взяли его под свое покровительство. В конце концов Лжедмитрий после длительного общения с ними принял из рук католического священника причастие и согласился в случае достижения русского трона разрешить строительство костелов в России, а позже и вообще ввести в стране католическую веру. Одновременно с этим начался дележ русских земель. За оказанное содействие в достижении русского трона самозванец

Марина Мнишек

обещал Сигизмунду Смоленск и Новгород-Северские земли. Те же территории были им обещаны и пану Мнишеку, дочери ко-

торого—Марине молодой человек сделал официальное предложение. Старый лис в связи с этим взял с самозванца письменное обязательство жениться на Марине, отдать ей в исключительное владение Новгородские и Псковские земли, оплатить его, Мнишка, старые долги и поездку свадебного кортежа до Москвы. Словом, Лжедмитрий раздавал обещания направо и налево, что, впрочем, не означало, что он собирается эти обещания выполнять.

Несмотря на страстное желание самого короля и его ближайшего окружения, выставив самозванца на пил, объявить новый крестовый поход на Восток, здравомыслящие круги польского Сейма и представители шляхты воспротивились этому. Сигизмунду было разрешено лишь объявить, что поддержка новоявленного русского царя есть личное дело каждого подданного Речи Посполитой в отдельности. Сам же монарх смог лишь оплатить воеводе Мнишеку его расходы на содержание королевских экономий в Сандомире с тем, чтобы высвободившиеся средства тот направил на снаряжение войска. Итак, весной 1605 года, собрав под свои знамена отряд в составе 2 тысяч запорожских казаков и до 3 тысяч польских добровольцев, названный царевич вторгся в московские пределы.

Еще ранее, когда слух о появлении самозванца лишь достиг Москвы, царское правительство провело собственное расследование личности самозванца. Согласно выводам этого расследования, им был не кто иной, как беглый монах Чудова монастыря Григорий (в миру — Юрий) Отрепьев. Вот вкратце история этого человека. Он происходил из обедневшего дворянского рода. Предки Юрия приехали в Россию из Литвы. Отец его—Богдан Отрепьев находился на государственной военной службе, дослужился до чина стрелецкого сотника и впоследствии был нелепо убит в пьяной драке в немецкой слободе в Москве неким литвином.

Таким образом, Юрий с малолетства воспитывался матерью. Позже он отправился в Москву, где попал на подворье бояр Романовых. После того, как один за другим все представители этого рода по мужской линии попали в опалу, Отрепьев

перебрался в свиту князя Черкасского. Однако и его в 1600 году постигла та же участь. Тогда Юшка постригается в монахи под именем Григория. Приняв постриг, молодой человек стал скитаться по разным монастырям и пустыням. Известно, что некоторое время он провел в Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале, обители Иоанна Предтечи в Галиче и в других местах. В конце концов он опять оказался в столице в стенах Чудова монастыря.

Здесь он проявил свои недюжие способности, которые смог оценить сам патриарх Иов. Он посвятил чернеца в диаконы и взял к себе для книжного дела. Добившись расположения патриарха, Отрепьев даже получил доступ в царский дворец и был в курсе всех придворных сплетен и интриг. В 1602 году он тайно бежал за границу.

Московским следователям не составило большого труда установить, что свой вояж из Москвы до литовской границы Григорий совершил не один, а в компании чернецов Варлаама и Мисаила. Поэтому, когда в 1605 году на западной границе был пойман некий странствующий монах Варлаам, направляющийся из Литвы в Москву, он был тут же закован в кандалы и препровожден к месту назначения за государственный счет. Чувствуя, что независимо от следствия, результаты для него лично окажутся одинаковыми, тот обратился к правительству со своими чистосердечными признаниями, известными в исторической науке под названием "Извета" Варлаама.

По словам автора этого документа, он, как и второй поделщик Мисаил, встретили Отрепьева накануне их отъезда из Москвы совершенно случайно. Но когда тот предложил ехать в Чернигов, а оттуда дальше к Гробу Господню, то они дружно согласились. На другой день паломники покинули Москву. Более трех недель новые знакомые собирали милостыню, имея в виду основать монастырь, но затем отказались от этой идеи и разделили деньги между собой. Еще три недели они провели в Печерском монастыре в Киеве, а потом пересекли литовскую границу в районе владений князя К.Острожского. Пребывание Отрепьева

ева во владениях князя подтверждается и рядом других свидетельств. Однако после того, как чернец покинул пределы этого польского магната, его след в истории теряется...

И появляется самозванец. Доказать в полной мере, что он и беглый диакон Чудова монастыря есть одно и то же лицо, не представляется возможным. Однако кое-какие доказательства все же имеются. Когда князь Адам Вишневецкий, в руки которого попал Лжедмитрий, уведомил об этом своего короля, тот затребовал подробные сведения о личности молодого человека. Вишневецкий подробно допросил, и затем записал рассказ самозванца о себе. Это письмо сохранилось до наших дней и поныне тщательно изучается учеными.

Оставим в стороне сбивчивые объяснения "царевича" относительно того, как он счастливо избежал неминуемой гибели в 1591 г. и где провел все последующие годы. Укажем лишь, что допрашиваемый избегал называть точные даты и имена, которые могли бы быть проверены. Однако в рассказе "царевича" есть и моменты, согласующиеся с некоторыми фактами известной нам биографии Отрепьева. Самозванец, как и Отрепьев, явился в Литву в монашеском одеянии и не скрывал этого. По словам "названного" Дмитрия, спасшись от смерти в Угличе, он длительное время провел в одном из монастырей под началом некоего "воспитателя". Перед смертью последний вверил его на попечение одной дворянской семьи. В этой семье "Дмитрий" находился до кончины своего "верного друга". Он и посоветовал юноше принять постриг, чтобы избежать жизненных опасностей, что тот и сделал. Те ученые, что отождествляют личность Отрепьева и самозванца в этой связи указывают на ту роль, которую сыграло в жизни Григория его пребывание в доме бояр Романовых.

В заключение укажем, справедливости ради, что хотя именно это предположение на сегодняшний день и является наиболее научно аргументированным, кроме него существуют и другие суждения. О них мы побеседуем чуть позже.

* * *

III

ВТОРЖЕНИЕ

В августе 1604 года войска Лжедмитрия перешли русско-польскую границу и форсировали Днепр. Затем часть армии во главе с самим "царевичем" пошла вверх по Десне, а другая часть направилась к Белгороду. 18 октября без боя сдался Моравск. 26 октября перед самозванцем открыл ворота Чернигов. Отряд стрельцов под командованием воеводы Петра Басманова, спешивший на помощь осажденным из Новгорода-Северского, повернул назад и, возвратившись, заперся в городе. Басманов предпринимал самые решительные меры к предстоящей осаде. 11 ноября войска самозванца осадили Новгород-Северский. Здесь "названного" царевича постигла первая военная неудача. Предпринятый им штурм города наткнулся на стойкое сопротивление осажденных.

А тем временем на выручку новгород-северскому воеводе спешила правительственная армия из Брянска. Командовали ей знатные бояре Мстиславский, Телятевский, Голицын, Салтыков, Скопин-Шуйский. 18 декабря на берегу Десны в 6 верстах от лагеря самозванца произошла первая вооруженная стычка противоборствующих сторон. Под давлением превосходящих сил противника Лжедмитрию пришлось снять осаду Новгорода-Северского и отойти в Камарницкую волость. Там в его войско влились новые силы. Царские же войска отошли к Стародубу, где общее командование над ними принял уже знакомый нам Василий Шуйский.

Решительное сражение произошло 21 января 1605 года недалеко от г. Севска. Со стороны царских войск в нем участвовало более 70 тыс. человек, со стороны самозванца — 15 тыс. Колоссальный перевес и артиллерия (Василий Шуйский располагал 40 орудиями) решили исход дела. Сражение закончилось победой царской армии. Причем, согласно донесениям Василия Шуйского в Москву, противник потерял более 6 тысяч человек

убитыми, 13 пушек и 15 знамен. Уверившись в своей полной победе, царские воеводы не стали преследовать противника и занялись карательными операциями в Камарницкой волости, полагая, что Лжедмитрий был убит в сражении. Такая беспечность воевод позволила самозванцу беспрепятственно добраться до Путивля и укрепиться там.

Узнав, что его противник жив, Борис Годунов резко осудил действия своих военачальников и приказал продолжить преследование "названного" царевича. Царские войска осадили Рьльск. Измотанная к тому времени в боях армия не смогла взять город и отступила в ту же Камарницкую волость. Однако Годунов потребовал продолжения преследования самозванца. Армии Василия Шуйского и Федора Шереметева соединились под Кромами и приступили к осаде города. К тому времени правительственные силы уже окончательно утратили свою боеспособность и не смогли преодолеть сопротивление 600 защитни-

Печать Бориса Годунова

ков города. В этой ситуации окончилась кампания 1604 — 1605 годов. Обе стороны считали потери и готовились к новым боевым действиям.

Тем временем сам царь Борис разительно переменялся. Обычно активный и деятельно участвовавший в управлении страной, он все более и более отходил от дел. Окружающие стали замечать ранее несвойственную ему раздражительность и мнительность. Всё больше времени царь начал посвящать молитвам, стал суеверен. Во дворце появились ведуньи и предсказатели, которых царь допытывал о своем ближайшем будущем и будущем своей семьи. Все чаще давала о себе знать его застарелая болезнь — подагра.

13 апреля 1605 года начался в царском дворце обычно. Утро Годунов провел с боярами в Думе. Потом присутствовал на дипломатическом обеде с иноземными послами в Золотой палате. Как обычно после обеда Борис поднялся на балкон в верхних покоях своего дворца (он любил в это время смотреть на панораму столицы). Однако здесь он почувствовал себя плохо. Кровь хлынула у него из рта, носа и ушей. Прибывшие лекари уже ничем не могли помочь ему. Царь успел лишь благословить на царство своего сына Федора.

Эта скоропостижная смерть породила в исторической науке массу легенд и догадок. Высказывалось предположение, что Годунов пал жертвой заговора боярского окружения, не простившего ему узурпации власти и потому отравившего его. Некоторые полагали, что он сам покончил с собой, приняв яд и т.д. Однако на сегодняшний день эти гипотезы не имеют под собой серьезной фактической аргументации. Поэтому традиционно считается, что причиной смерти был апоплексический удар, постигший царя.

Присяга новому царю прошла в Москве без особых осложнений. Теперь требовалось привести к присяге войска, продолжавшие столь же безуспешную осаду Кром. Командовал армией назначенный Борисом незадолго до своей кончины Петр Басманов. Так Борис отметил заслуги воеводы, отличившегося при

осаде Новгорода-Северского. Появившись в войсках уже после смерти Бориса, Басманов переметнулся в лагерь давно уже образовавшейся там оппозиции, возглавляемой дворянами Ляпуновыми. Как только это произошло, заговорщики подняли мятеж. По их сигналу осажденные в Новгороде-Северском казаки совершили дерзкую вылазку из Кром и ударили по лагерю правительственных сил. В возникшей панике оставшиеся верными Годуновым воеводы не смогли организовать отпор мятежникам и казакам, дворянское ополчение не пожелало более сражаться за Федора. Военный лагерь перестал существовать, а остатки войска ушли на север.

Самозванец же, перезимовав в Путивле и укрепив свои ряды новыми сторонниками, вновь начал поход на Москву. На этот раз впереди себя он высылал гонцов с письмами, в которых призывал народ поддержать его. Напряжение в столице в связи с этим продолжало нарастать. Годуновы готовились к отпору Лжедмитрию.

1 июня в подмосковное село Красное прибыли посланцы "названного" царевича — Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. Они зачитали селянам воззвания самозванца и спровоцировали давно зревший мятеж. Вооружившись, жители села двинулись к столице, смяли крепостную стражу и, проникнув в Китай-город, заняли Красную площадь. Здесь Гаврила Пушкин с Лобного места принародно зачитал "прелестные грамоты", в которых Лжедмитрий обещал свои милости всем жителям столицы. Посланные на разгон толпы стрельцы не смогли справиться с этой задачей. Возбужденная толпа ринулась громить подворья Годуновых. Федор был низложен и вместе с матерью посажен под домашний арест.

Лжедмитрий же прибыл в столицу не сразу. Впереди себя он послал Василия Голицына с поручением убрать все препятствия, на своем пути к Москве. О том, каковы были эти препятствия говорит тот факт, что первым делом Голицын арестовал патриарха Иова и с позором отправил его в монастырь. Если придерживаться гипотезы, что под личиной Дмитрия крылся

Григорий Отрепьев, то действия его доверенного лица становятся более чем понятны. Хорошо знавший беглого диакона в лицо, Иов мог стать серьезной помехой самозванцу на царском престоле. Затем настала очередь низложенного царя. Федор Годунов и его мать были задушены у себя во дворе стрельцами по приказу того же Голицына.

Наконец, 20 июня 1605 года самозванец торжественно въехал в столицу. Москва встречала его колокольным звоном. Для того чтобы убедить москвичей в том, что он тот, за кого себя выдает, Лжедмитрий встретился с инокиней Марфой (в миру Марией Нагой, последней женой Ивана Грозного и матерью царевича Дмитрия Угличского). Бывшая царица признала в нем своего сына и обошлась с ним ласково. Вскоре после этого состоялось венчание на царство.

* * *

ОДИННАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ “НАЗВАННОГО” ЦАРЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА

Поведение нового царя в период его краткого одиннадцатимесячного правления со всей очевидностью свидетельствует против того портрета лукавого чернеца и расстриги Григория Отрепьева, который был нарисован пропагандой Бориса Годунова. После традиционной в подобных случаях раздачи милостей своим сторонникам и возвращения прежних почестей опальным прежнего режима, получили прощение оставшиеся в живых Годуновы и их приверженцы. "Есть два способа царствовать", — говорил Дмитрий своим ближайшим соратникам, — "милосердием и щедростью или суровостью и казнями; я избрал первый способ; я дал Богу обет не проливать крови подданных и исполню его".

А вскоре подданным представился удобный случай проверить принципы своего нового монарха на практике. Буквально через несколько дней после приезда Лжедмитрия в столицу Петр Басманов поймал нескольких купцов, которые утверждали, что князь Василий Шуйский давал им наставление вооружить народ против нового царя, говорил, что он подослан королем Сигизмундом и польскими панами, что хочет разорить церкви и искоренить веру и что вообще он не царь, а беглый монах Григорий Отрепьев. Заявления эти были тем более опасны, что поляки, составлявшие значительную часть войска самозванца, вели себя действительно нагло, особенно в обращении с женщинами.

Царь повелел арестовать князя Василия и предать его суду, составленному из лиц всех сословий. Василий Шуйский был приговорен к смертной казни. Его братья, также привлеченные в качестве обвиняемых по делу, были высланы из столицы. Однако накануне казни личным распоряжением Лжедмитрия смертный приговор был заменен ссылкой Василия Шуйского в Вят-

ку. Чтобы рассеять зародившиеся было в народе сомнения относительно своей личности, государь всенародно показывал человека, именовавшего себя Григорием Отрепьевым, о котором впоследствии говорили, что он подставное лицо.

С самого начала царствования новый монарх деятельно принялся за переустройство своего государства. Он начал с того, что стал бороться с мздоимством своих чиновников, под страхом смерти запретив брать взятки и одновременно повысив им денежное жалование. Чтобы не было недоразумений со сбором налогов, он разрешил представителям общин самим доставлять собранные на их территориях налоги в казну.

Боярская дума была переименована в Сенат. Каждый день царь присутствовал на его заседаниях и деятельно участвовал в его работе, чем поражал даже выдавших виды думных дьяков. Два раза в неделю, по средам и субботам, он лично принимал челобитные, и все могли беспрепятственно объясняться с ним по своим делам.

Печать Лжедмитрия I

Нарушив вековой русский обычай послеобеденного отдыха, царь часто прогуливался по московским улицам, заходил в ремесленные лавки, разговаривал с купцами и торговцами, что-то выспрашивал у мастеров. Как и прежние цари, любил он охоту. Однако в отличие от своих предшественников, обычно лишь участвовавших в общей травле зверя, он лично ходил на медведя и удивлял подданных своей ловкостью.

В своих беседах с боярами Дмитрий не устал говорить о том, что нужно дать народу образование, убеждал их путешествовать по Европе и посылать своих детей за границу для обучения. Он даже высказывал желание открыть в Москве Университет. Часто в таких беседах царь сводил лицом к лицу католических и православных священнослужителей и вовлекал их в свободные диспуты. С другой стороны, Дмитрий не любил монахов, называл их тунеядцами и лицемерами, приказал сделать опись всего монастырского имущества и заранее объявил, что оставит монастырям лишь необходимое содержание, а все прочее передаст в казну.

Но пренебрежительное отношение нового государя к русским традициям вызывало нескрываемое раздражение воспитанных "в старине" москвичей. Так, во время царского обеда не по обычаю стала играть музыка, пелись песни. Перед обедом царь не молился, после обеда не умывал рук. Из дворца он отлучался без свиты, предпочитал более практичное европейское платье традиционному русскому и пр.

Почти через год в Москву прибыла невеста Лжедмитрия Марина Мнишек в сопровождении своего отца воеводы Юрия Мнишека и отряда из 2 тысяч польских шляхтичей. 8 мая она была предварительно коронована, а затем совершилось бракосочетание. И тут не обошлось без нарушения русского этикета. Марина отказалась принять причастие из рук православного священника. Женитьба же православного царя на католичке была неслыханным попранием русских традиций. Не удовольствовалась новая царица и русским нарядом. Он казался ей неудобным и чересчур закрытым. Поэтому на свадебном пиру она была

в польском платье. Не нравилась гордой полячке традиционная русская кухня. Все это нагнетало и без того напряженную ситуацию, вызванную оскорбительным для москвичей поведением прибывших с Мариной польских панов и гайдуков. Они вели себя как истинные хозяева в городе, грабили горожан, на дворы которых были определены на постой, бросались на женщин на улицах и пр. А на все увещевания горожан о том, что царь их накажет, они отвечали: "Что ваш царь? Мы дали царя Москве!".

Уже в четверг 15 мая в самый разгар свадебных торжеств какие-то люди донесли Басманову, что в Москве зреет заговор. Басманов тут же доложил об этом царю. Однако тот не придал этому сообщению должного внимания. Эта беспечность ему дорого стоила. Бояре-заговорщики во главе с Василием Шуйским, которого "московские люди" приговорили к смерти, а "Дмитрий" помиловал, не могли простить ему столь легкомысленного поведения и при первой возможности отплатили ему за отступление от обычаев политической борьбы того времени. В ночь с 17 на 18 мая 1606 года Василий Шуйский тайно выпустил из московских тюрем всех уголовников и раздал им оружие. На рассвете тревожно зазвонили московские колокола. Народ хлынул на Красную площадь, где в полном боевом вооружении его ждали бояре. Они послали толпу на расправу с поляками, расквартированными в городе. Шуйский же с ближайшими помощниками направился в Кремль. В поднявшейся суматохе стража не смогла организовать серьезного сопротивления, и заговорщики проникли в царские покои. Там они обнаружили Петра Басманова. Он еще пытался как-то уговорить их не убивать его, но был обезглавлен тут же. Сам Лжедмитрий в возникшей суматохе попробовал спастись бегством и вышрыпнул из окна. Но неудачно упав, он сломал ногу. Ничего не подозревавшие стрельцы, стоявшие на часах, увидев царя, лежащего на земле, отнесли "Дмитрия" обратно во дворец. Там он попал в руки своих палачей. Последние не упустили такой возможности и тут же зарубили его мечами. Затем уже мертвое тело царя выкинули с крыльца.

17 мая было перебито много поляков. Возбужденная толпа бесчинствовала в городе еще до полудня. Марина Мнишек и ее отец были арестованы и высланы в Ярославль. Тела "Дмитрия" и Басманова были выставлены на всеобщее поругание на Красной площади. Через трое суток труп Лжедмитрия сожгли, пепел смешали с порохом и выстрелили из пушки в ту сторону, откуда самозванец пришел в Москву.

* * *

ВОКРУГ ЛИЧНОСТИ ПЕРВОГО САМОЗВАНЦА

Несмотря на то, что человек, именуемый в русской истории как Лжедмитрий I, столь внезапно вторгшийся в русскую политическую реальность, был также бесцеремонно вышвырнут из нее, но успел породить еще одну тайну, над разрешением которой по сей день ломают головы многие поколения историков.

До сих пор продолжает оставаться открытым вопрос о личности этого самозванца. Действительно ли, как утверждают московские проправительственные источники, близкие к Борису Годунову, мы имеем дело не с кем иным, как с беглым монахом Чудова монастыря в Москве Григорием (Юрием) Отрепьевым? Именно в этом Борису удалось убедить не только значительную часть своих современников, но даже и потомков. Стараниями Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и ряда других известных русских историков прошлого это имя стало достоянием отечественной культуры и ныне всплывает в памяти, когда речь заходит о выяснении личности первого самозванца. Однако это суждение, хоть и наиболее распространено, не отражает всей палитры существующих на сей счет мнений.

Конечно, не приходится сомневаться в существовании в России в начале XVII века беглого монаха Чудова монастыря Григория Отрепьева, который в какой-то момент бежал из обители и даже пересек русско-литовскую границу. Но до сих пор нет исчерпывающих доказательств того, что самозванец и Отрепьев одно и то же лицо. Известно, что спешно снаряженное в Польшу специальное посольство, как только оттуда пришли первые тревожные вести, во главе с самим дядей Отрепьева, Степаном Отрепьевым, имевшее задачу вскрыть подлог, до самозванца допущено так и не было. Впоследствии члены посольства, несмотря на все протесты с русской стороны, были даже взяты под арест. Обычно это обстоятельство интерпретируют как проявление законного опасения Лжедмитрия за сохранность

его от начала до конца выдуманной легенды. Однако так или иначе, вопрос, ответ на который должен был привезти Отрепьев-старший, так и остался открытым.

Да и вообще, поведение самозванца за то недолгое время, которое он провел на московском престоле, в воображении многих историков совершенно не вязалось с образом беглого расстриги. Уж очень не вписывались шаги его правления с образом действий простого авантюриста. Вспомним, что ради установления гражданского мира он даже простил своего злейшего врага и инициатора всех заговоров против него — Василия Шуйского, не принял верительных грамот от королевского посла Речи Посполитой, адресованных на имя Великого Князя, а не Царя Всея Руси, проявлял неординарную смелость в борьбе с косностью вековых русских традиций при своих нововведениях, а также невиданный до того религиозный плюрализм. Все эти действия требовали не только изрядного мужества, но и гораздо более высокого уровня просвещения и подготовки к осуществлению власти, которыми не мог в то время обладать не просто средний житель Московии, но даже монах, чей образовательный уровень был несомненно выше.

Все эти наблюдения дали повод ряду историков сомневаться в истинности гипотезы о происхождении самозванца от беглого монаха Григория Отрепьева и вполне серьезно обсуждать вопрос о возможности счастливого спасения царевича Дмитрия. В это верили такие известные в прошлом историки, как профессор Санкт-Петербургского Университета К. Н. Бестужев-Рюмин, историк И. С. Беляев, известный издатель А. С. Суворин и др.

В доказательство своей правоты сторонники этой теории приводили ряд фактов. Так, как известно, при вступлении своем на престол Лжедмитрий принародно встречался с инокиней Марфой (в миру царицей Марией Нагой), она без понуждения с чьей-либо стороны признала в нем своего сына и даже поцеловала его. Когда же после его смерти инокиню спросили вторично, он ли ее сын, то Марфа двусмысленно ответствовала: "... Об

этом надобно было спрашивать, когда он был жив, а теперь он уже не мой". Долгое время одним из серьезных аргументов в пользу данной версии служило то обстоятельство, что после гибели царевича Дмитрия в 1591 г. не было найдено ни одного заупокойного вклада, который традиционно вносился родственниками умершего и членами царствующего дома в пользу церкви на помин души усопшего. Отсюда делался недвусмысленный вывод о том, что как мать царевича Мария Нагая, так царь Федор знали, что царевич жив, и потому не делали поминальных взносов. И лишь в 1922 году усилиями молодого архивиста Ю. В. Татищева соответствующие вклады были обнаружены в записях Кирилло-Белозерского монастыря, и долго зревшей было сенсации так и не удалось стать достоянием общественности.

В силу указанных причин, тем, кто продолжает верить в возможность счастливого спасения царевича Дмитрия, приходится апеллировать к менее весомым и более труднопроверяемым фактам. Ссылаются, например, на некоторые многозначительные дневниковые записи, сделанные иностранцами-очевидцами событий, и видят там намеки на возможное участие их в спасении царевича. Так, например, английский посланник при русском дворе сэр Джером Горсей, явившийся невольным участником некоторых событий, связанных с уglichской трагедией, подробно описывая все, чему он был свидетелем, сообщал: "...Случились еще многие столь необыкновенные дела, которые я не осмелюсь описать не столько потому, что это утомительно, сколько из-за того, что это неприятно и опасно".

Сбивчивый рассказ "названного" Дмитрия князю Адаму Вишневецкому о его счастливом спасении с помощью иноземного врача Симона, якобы спасшего его от верной гибели путем подмены на какого-то другого мальчика, проникает и в другие исторические источники. Почти слово в слово эта легенда воспроизведена, например, в дневнике Марины Мнишек. И наконец, еще одной соломинкой, за которую цепляются те, кто желал бы верить в счастливое спасение царевича, является знаменитый царский крест, украшенный множеством драгоценных камней,

который, согласно одной из версий случившегося, и послужил Адаму Вишневецкому наиболее веским доказательством того, что малозаметный русич из его свиты есть московский царь. Дело в том, что впоследствии следы этого креста таинственным образом теряются, и сейчас представляется малореальным убедительно доказать как его наличие, так и отсутствие.

Сторонникам разбираемой версии приходится сталкиваться и с контраргументами гораздо более серьезного характера. Вот один из них. Хорошо известно, что царевич Дмитрий страдал "падучей" болезнью. А по официальной версии, он даже погиб вследствие того, что в приступе своей болезни совершил невольное "самозаклание". Оставив в стороне истинность последнего утверждения, отметим лишь, что только в конце нашего столетия известный петербургский историк отечественной криминалистики И. В. Крылов задался целью и получил исчерпывающие свидетельства компетентной психиатрической экспертизы относительно наличия у царевича заболевания эпилепсией. Готовя одну из своих работ по истории криминалистики, он привел имеющиеся данные о заболевании царевича в соответствие с современными требованиями проведения психиатрической экспертизы и попросил дать по этому материалу заключение специалистов Института им. Бехтерева в Санкт-Петербурге. Ответ последних был однозначен: "Царевич страдал эпилепсией". Но раз так, то психиатрическая наука не знает случаев, чтобы больные с подобным органическим поражением мозга при том уровне медицинских знаний могли к совершеннолетию излечиться от этой болезни. Человек же, выдававший себя за Дмитрия и вступивший на московский престол в 1605 году, как известно из всей массы имеющихся исторических источников, никакими признаками "падучей" болезни не отличался.

Этот безусловно весомый аргумент сторонникам "счастливого спасения Дмитрия" приходится парировать несколько легковесными утверждениями о том, что в течении эпилепсии могут наступать отдельные периоды улучшения состояния больно-

го. Остается гадать, почему это улучшение в самочувствии Дмитрия совпало именно с периодом Смутного времени.

На фоне этого затянувшегося спора гораздо более привлекательной выглядит версия о том, что Григорий Отрепьев никогда не был реальным царевичем, но был подготовлен московскими боярами, питавшими открытую неприязнь к выскочке Борису Годунову, с единственной целью отрешить этого "потомка татарского мурзы" от царской власти. Именно таковой была и первая реакция Бориса Годунова, когда он узнал о появлении самозванца. Согласно некоторым данным, он собрал бояр на срочное заседание Думы и бросил им это обвинение прямо в лицо. Эта версия согласуется и с многочисленными фактами биографии Отрепьева. Длительное пребывание в доме князей Черкасских и Романовых, слывших, как известно, одними из главных оппозиционеров Бориса Годунова, близость к патриарху, и через его протекцию достаточно свободный вход в царские апартаменты, знание тайн и порядков, царивших при Московском дворе, вполне могут объяснить последовательность действий самозванца. Однако прямых доказательств этой гипотетической связи нет.

Также как и нет прямых доказательств другой аналогичной теории о том, что Лжедмитрий был всецело ставленником римско-католической церкви в лице польских иезуитов. Известно, какая громадная мессианская роль отводилась этой аванюре в планах польской католической церкви. Неслучайно, "названный" царевич был прежде всего поручен заботам отцов-иезуитов, и именно они добились от него согласия принять католическое причастие. Однако и приняв его, Лжедмитрий вел себя достаточно независимо.

В частности, достигнув московского престола, он не спешил разрешать повсеместно строить на Руси костелы и вводить обрядность католической церкви. Вопреки возлагавшимся на него ожиданиям, с большим почтением относился к православному церковному укладу. Это, впрочем, не мешало новоявленному московскому царю игнорировать отдельные положения Домостроя, освященные православной церковью, и пренебрегать ря-

дом обрядов последней. Ранее мы уже упоминали и тот факт, что "названный" Дмитрий сводил за столом одной трапезы как православных, так и католических священников и не только способствовал развитию дискуссии между ними, но и сам принимал в ней участие. Подобная веротерпимость и плюрализм в религиозных вопросах были немыслимы в России рассматриваемого времени. И в этом кроется еще одна загадка и значение фигуры этого самозванца.

Таким образом, фигура первого Лжедмитрия, как и причины, подвигшие его на ту авантюру, при настоящем уровне изученности данного вопроса представляются не до конца выясненными и позволяют достаточно широко варьировать имеющимися в нашем распоряжении фактами. Это допускает существование множества гипотез, небольшую часть которых мы рассмотрели на этих страницах.

* * *

БОЯРСКИЙ ЦАРЬ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ШУЙСКИЙ

Говоря словами известного русского историка Н. И. Костомарова, "...враг, погубивший Дмитрия, Василий Шуйский, был совершенной противоположностью этому загадочному человеку. Трудно найти лицо, в котором бы до такой степени олицетворялись свойства старого русского быта, пропитанного азиатским застоєм...".

Вплоть до знаменательных событий 1591 года, связанных с убийством малолетнего царевича Дмитрия в Угличе, Василий Шуйский практически не был замечен на русской политической сцене. В то время, как все его ближайшие родственники подверглись опале за свою оппозицию Борису Годунову, чаша сия миновала будущего боярского царя. Видимо, всецельный тогда Годунов не рассматривал Василия как серьезного политического соперника. Мало того, он даже назначил последнего на должность главного следователя по столь щекотливому делу с совершенно очевидным политическим подтекстом, как дело об убийстве члена царствующего дома. И Василий провел это следствие в русле вполне выгодном Годунову.

Очевидно, что если кому-то и было что-либо достоверно известно о том, жив ли царевич Дмитрий или нет, так это самому Василию Шуйскому, собственными глазами видевшему труп убитого мальчика. Однако, по прибытии в Москву самозванца, Василий принародно вместе с Богданом Бельским признал в "названном" царевиче того человека, на похоронах которого он сам присутствовал. Именно Василий, между прочим, в свое время настоял, чтобы царевича хоронили не в Архангельском соборе, как члена царствующей фамилии, а на кладбище в Угличе, как самоубийцу. Теперь же, став вдохновителем и организатором мятежа, он клялся на кресте московским торговым людям, что новый царь вовсе не Дмитрий.

Когда с самозванцем было покончено, и встал вопрос о том, кому быть новым царем, бояре соглашались избрать на это место Василия Шуйского только после того, как взяли с него обещание, что тот будет править не иначе, как согласно боярским приговорам: никого не казнить без воли бояр и не отнимать у родственников осужденных бояр и служилых людей их вотчин. Когда таковое согласие было получено, "народ" на Красной площади выкликнул его новым царем.

1 июня Василий венчался на царство, а 3 июня в Москву были перевезены и выставлены на всеобщее обозрение в Архангельском соборе мощи царевича Дмитрия. Он был канонизирован, как новый русский святой. Это событие, по мысли его инициаторов, призвано было прекратить перманентное появление все новых и новых самозванцев под личиной покойного царевича. Оно же впоследствии наложило существенный отпечаток на всю научную разработку истории Смутного времени. О том, как и почему, мы расскажем чуть позже. Одновременно с этим на

Печать Василия Шуйского

места была разслана грамота, в которой было сказано, что царица Марфа всенародно каялась в том, что поневоле признала вора Гришку сыном, а ответственность за смерть царевича Дмитрия приписывалась Борису Годунову.

Однако все эти меры не внесли успокоения в общество. Мало того, спустя два месяца на Юге разнесся слух, что Дмитрий вовсе не погиб в Москве, а бежал в Польшу. Вскоре вся Северская земля, Белгород, Елец, Оскол провозгласили Дмитрия царем. Ратные люди, собранные под Ельцом, отказывались подчиняться Шуйскому. Однако самого Дмитрия никто не видел. Зато в Камарницкой волости появился казак, заявивший, что он есть воевода Дмитрия, посланный им для организации нового войска. Казака этого звали Иван Болотников.

Бывший холоп черниговского князя Телятевского, он еще раньше бежал на Нижнюю Волгу, воевал с татарами, попал к ним в плен и был продан в рабство туркам. Известно, что он был гребцом на галере, но никто не знал, как Болотникову удалось бежать из этой плавающей тюрьмы. Затем он оказался в Италии, жил в Венеции, работал гондольером, а затем через Австрию, Чехию, Польшу он пробрался в Самбор, где, якобы, произошло его свидание с Лжедмитрием.

Центром нового похода на Москву стал Путивль. Именно оттуда в июле 1606 года отряды Болотникова направились на Москву. По пути, назвавшись царским воеводой, Болотников рассылал прелестные письма с призывами к борьбе против Василия Шуйского. В те времена, когда не было средств массовой информации, и никто, особенно в провинции, не мог точно сказать, что же в действительности приключилось в столице и тем паче более чем десятилетие назад в Угличе, эти призывы имели определенный успех. Ряды восставших ширились, а выступление охватывало все большую территорию. За один месяц восстание захватило почти все города Курско-Орловского края. Восстание начинало приобретать масштабы народной войны.

Власти предприняли неудачную попытку остановить Болотникова под Кромами, но в первом же столкновении потерпели

поражение. Следующее сражение произошло в сентябре 1606 года под Калугой, где правительственные войска были вторично разбиты, а все дворянское ополчение во главе с известными нам по походу Лжедмитрия на Москву дворянами Ляпуновыми вновь переметнулось в стан антиправительственных сил. Несмотря на то, что племяннику Василия Шуйского, молодому полководцу Михаилу Скопину-Шуйскому и удалось на некоторое время остановить под Серпуховым продвижение восставших к Москве, в октябре 1606 года отряды Болотникова уже стояли под стенами столицы.

Однако все попытки Болотникова взять Москву оказались неудачными. Мало того, дворянское ополчение вновь перешло на сторону Шуйского. Потерпев неудачу, восставшие вынуждены были отступить в сторону Калуги. Правительственные войска приступили к осаде города.

Тем временем джин самозванчества, выпущенный на волю, продолжал набирать новые обороты. И вот уже муромский горожанин Илья Горчаков объявляет себя не кем иным, как "царевичем Петром", бывшим якобы сыном царя Федора. И несмотря на то, что было общеизвестно, что единственная дочь почившего государя-царевна Ефросинья умерла в младенческом возрасте, а сам царь ушел из жизни бездетным, в эту сказку также охотно поверили. И вот уже "царевич Петр" во главе большого отряда восставших прошел от Терека к Волге, пополнил свои ряды за счет народов Поволжья и, преодолевая сопротивление царских войск, в начале 1607 года пришел на помощь Болотникову в Калугу. Получив подкрепление, Болотников разбил осаждавшую город царскую рать. Соединенные силы повстанцев укрепились в Туле.

Теперь сам царь Василий Шуйский во главе огромной армии направился к Туле, чтобы покончить с восставшими. Взять город штурмом не удалось. Тульский Кремль, где засели повстанцы, был блокирован. Началась четырехмесячная осада. Чтобы принудить восставших к сдаче, Шуйский велел перегордить плотиной протекающую в городе речку Упу, которая, раз-

лившись, его затопила. Наконец, израсходовав все имеющиеся в городе резервы продовольствия, осажденные согласились на пе-

Осада войсками В. Шуйского Тулы
(Фрагмент миниатюры)

реговоры. Чтобы ускорить капитуляцию, Шуйский обещал всем участникам восстания "...дать выход, кто куда захочет, а воеводам их, вору Ивашке и иным ничего не будет". Однако после того, как перед правительственными войсками ворота города были открыты, никто ни про какие обязательства уже не вспоминал. Горчаков и Болотников были схвачены и, в конечном счете, казнены. Первый на Москве у Данилова монастыря, а второй был сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен.

Не успели еще отгреть последние залпы этой кампании, как некто, личность которого до сих пор остается до конца не установленной, летом 1607 года объявил в Стародубе себя новым Дмитрием, вторично спасшимся от рук наемных убийц. По некоторым данным, настоящее имя этого человека было Богдан Шкловский. Бродячий учитель, он и не помышлял о карьере "царя". Однако, заметив его в Могилеве, белорусские шляхтичи — ветераны похода Отрепьева решили, что он "телосложением похож" на покойного царевича. Новость о "царском происхождении" обескуражила учителя. Он бежал, но был пойман, привезен в Стародуб, где и наречен "царем" людьми Болотникова. Но несмотря на то, что самозванцем этот поборник просвещения сделался поневоле, вокруг него не замедлило собраться новое разношерстное воинство искателей приключений. Здесь были и польско-литовские отряды, пришедшие в Россию еще с первым самозванцем, беглые крестьяне и холопы, стрельцы и казаки во главе с атаманом Иваном Зарупким. В истории этот человек получил имя Лжедмитрия II.

К весне 1608 года Северская земля вновь присягнула очередному самозванцу. Укрепившись и почувствовав поддержку, новый вновь воскресший "Дмитрий" двинул свою армию на Москву. Спешно собранная для отпора невесть откуда взявшейся новой опасности, московская рать во главе с братом царя — Дмитрием Ивановичем Шуйским была наголову разбита в сражении под Волховым. В начале июня того же года Лжедмитрий II уже стоял под стенами столицы.

В произошедших затем боях с правительственными войсками в районе нынешних Химок и на Пресне самозванец был остановлен, отступил и надолго закрепился в подмосковном селе Тушино, почему и получил в истории название "тушинского во-ра". Не сумев захватить Москву с ходу, тушинские военачальники решили блокировать ее с севера. Главным же опорным пунктом, прикрывавшим город с этого направления, был Троице-Сергиев монастырь. Его-то и осадили входившие в состав армии Лжедмитрия польские отряды под командованием Яна Сапеги и Александра Лисовского.

Оборона Троице-Сергиева монастыря по праву считается самой героической страницей Смутного времени. Горстка плохо вооруженных монахов, жителей посада и окрестных крестьян (всего, по некоторым подсчетам, 2500 чел.) под руководством келаря монастыря Авраамия Палипына с 23 сентября 1608 г. и до 12 января 1610 г. слерживали непрерывный натиск 15-тысячного войска и продержались до подхода на помощь осажденным московской рати во главе с М. В. Скопиным-Шуйским. Потерпев неудачу под Троицей, Сапега и Лисовский вынуждены были отойти к Дмитрову.

Тушинский лагерь же все более и более разрастался, превратившись на какое-то время во вторую столицу Московского царства. Здесь был свой царь — Лжедмитрий II, заседали своя Боярская дума, а с некоторых пор появился и свой патриарх. Митрополит Ростовский Филарет (в миру Федор Романов) пленен и доставлен в Тушино после взятия отрядами самозванца Ростова в октябре 1608 г.

Чтобы собраться с силами для борьбы с внутренними врагами, правительство Василия Шуйского в июле 1608 года вынуждено было подписать с Польшей перемирие. Согласно его условиям, Москва освобождала всех пленных, а польский король обязался отозвать из России польско-литовские войска. В числе прочих пленных были освобождены Марина Мнишек и ее отец. Их отправили к русско-польской границе под усиленной охраной. Однако не доезжая г.Белого, конвой подвергся нападению

со стороны тушинцев, и оба высокопоставленных пленника оказались в стане самозванца.

Личная встреча Марины с "воскресшим" мужем подтвердила самые худшие опасения. Человек неизвестного, но явно не аристократического происхождения, он не отличался ни благородством нрава, ни изысканностью манер и произвел на Марину самое отрицательное впечатление. Несмотря на все уговоры, она долгое время не хотела признавать в нем своего мужа.

Между тем для укрепления политических позиций самозванец очень нуждался в подтверждении своей личности со стороны "собственной" жены. В ход были пущены все средства. Зная слабость престарелого Юрия Мнишека к деньгам, Лжедмитрий предложил любящему отцу... продать родную дочь за 300 тысяч рублей. И получил на то отцовское согласие. Забрав свои деньги, Мнишек бросил дочь на произвол судьбы, уехал в Польшу и даже не отвечал на письма.

Но не это обстоятельство оказалось решающим в согласии Марины признать "своего" супруга. Наша публика имеет представление о ней в основном благодаря трагедии Пушкина "Борис Годунов" и опере Мусоргского, где Марина изображается не более, чем расчетливой и надменной красавицей. Однако менее известно, что в свои неполные девятнадцать лет она лихо ездила верхом, вооруженная саблей и пистолетами, в гусарском мундире входила в военный совет, чтобы предъявить свои требования взбунтовавшимся ландскнехтам, самолично руководила обороной Дмитрова, когда московские войска заперли в городе отряды Сапеги и Лисовского и воодушевляла солдат словами: "Я, женщина, не утратила мужества!"

Для нее было совершенно очевидно, что в тот момент "тушинский царь" олицетворял единственную альтернативу правительству убийцы ее мужа — Василию Шуйскому. Таким образом, единственной возможностью отомстить за человека, которого она действительно любила, было признать в Лжедмитрии II своего супруга. А вместе с тем и вернуть московский престол. Обоюдовыгодная сделка состоялась 5 сентября 1608 года в лаге-

ре Сапегу под Дмитровом, где произошло тайное венчание Марины с "тушинским вором".

Говоря словами известного советского историка В. Б. Кобрин, Лжедмитрий II "...унаследовал авантюризм своего предшественника, но не его таланты". Располагая сотысячным войском, он не только не смог овладеть Москвой и поддерживать в своем воинстве элементарную дисциплину, но и оказался даже не в состоянии сохранять престиж царского звания. На всем протяжении своего "сидения" в Тушине он предавался пьяным оргиям и иным вакханалиям на равных со своими менее высокопоставленными соратниками. И несмотря на это, Марина разделяла со своим новым мужем все превратности его последующей судьбы вплоть до бесславной гибели в Калуге. А в начале 1611 года у неё родился сын, которого крестили в православной вере под именем Иван. Сам того не подозревая, новорожденный уже принимал участие в большой политике, и вокруг его колыбели сталкивались партии и армии.

* * *

СВЯТОЙ ЦАРЕВИЧ ДМИТРИЙ, ЗАТЯНУВШЕЕСЯ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО ФАКТУ УГЛИЧСКОГО СЛЕДСТВИЯ И НЕКОТОРЫЕ ТАЙНЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

По мере развития драмы Смутного времени, когда стала очевидна тесная связь между образом царевича Дмитрия в народном сознании, верой в то, что он жив, и появлением на русской политической сцене чреды самозванцев, именовавших себя не иначе, как "чудом спасшимися царевичами", московским властям приходилось прибегать все к более и более экстраординарным мерам, чтобы убедить народ в обратном. Далее всех пошел Василий Шуйский. Волею инсценированного им же самим заговора он оказался на московском престоле и теперь делал все, чтобы устранить с своей дороги всех возможных живых и мертвых соперников.

Кому, как ни ему, было знать, жив или нет последний наследник Рюрика дома. Еще не так давно он доказывал царю Федору, что малолетний Дмитрий случайно погиб, напоровшись на нож в приступе "падучей". Теперь именно он, чтобы убедить православных в смерти Дмитрия, затеял канонизацию его останков, специально для этой цели привезенных из Углича, как нового святого православной церкви. Об этом было сказано уже достаточно. Сейчас же нам важно в этой связи другое обстоятельство. Как известно, по законам христианской церкви нельзя канонизировать самоубийц, даже если они, как в случае с Дмитрием, покончили с жизнью невольно, по вине трагических обстоятельств, ибо лишение себя жизни есть тяжчайший грех с точки зрения церкви. И чтобы убрать с дороги призрак почившего царевича, Василий Шуйский, не колеблясь, принял точку зрения, диаметрально противоположную той, которую доказывал ранее. Дмитрий был канонизирован. Таким образом, версия о преднамеренном убийстве царевича не только получила новое

развитие, но была освящена всем влиянием русской православной церкви и мощью государства.

Это само по себе перевело расследование и без того запутанного дела в иную плоскость. Несмотря на то, что, по воспоминаниям современников, такие всесильные русские самодержцы, как Петр I и Екатерина II интересовались судьбой царевича Дмитрия и даже временами отождествляли себя с ним, на любое прикосновение к этой тайне простых смертных было наложено строжайшее табу. Достаточно сказать, что когда по прошествии более чем ста лет ученые вновь организованной Санкт-Петербургской Академии наук попытались вернуться к этой проблеме, то наткнулись на тщательно подготовленный еще в те самые бурные годы XVII столетия непреодолимый барьер. Вот что писал в этой связи один из первых русских историков, немец по происхождению, академик Санкт-Петербургской Академии наук Г.-Х.Миллер в письме своему коллеге, английскому ученому Воксу: "Я не могу высказать печатно мое настоящее мнение в России (о Смутном времени.— *Д.Г.*), так как тут замешана религия".

Еще более показательным было поведение Главного историографа Его Величества Н. М. Карамзина. Изобразив в своей "Истории государства Российского" угличские события как тщательно рассчитанное и спланированное убийство царевича Годуновым, он придал своей работе полное соответствие с официальной точкой зрения. Однако позже в одной из своих малоизвестных и не опубликованных при его жизни работ "Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице" историк открыто ставил под сомнение эту концепцию.

Наиболее же показательная история приключилась с историком Н. С. Арцыбашевым. Он первый позволил себе публично усомниться в справедливости официальной точки зрения. Это послужило причиной того, что книга была задержана в цензуре, а та ее часть, которая, с точки зрения цензоров, оказалась крамольной, была не просто изъята, но полностью переписана в выгодном правительству духе. Известна фамилия человека, кото-

50

рый взялся за эту работу. Им был историк Н. Г. Устрялов, также достаточно хорошо известный, но придерживавшийся безопасных, с точки зрения цензуры, научных воззрений.

Пока же сочетание церковной святости убитого царевича подкреплялось поддержкой всемогущего государства, никто не мог помыслить даже о том, чтобы опубликовать и самым серьезным образом изучить непосредственные материалы следствия. Впрочем, они были вполне доступны пользованию ученых и хранились в архиве Министерства юстиции. Однако тогда они представляли собой толстый свиток, изрядно подмоченный водой, в который были закатаны разноформатные куски пергамента. На них и содержались протоколы расспросных речей и материалы следственных действий комиссии В. Шуйского. Практически все известные историки XIX столетия знакомились с этими материалами. Однако мало кто решался по ним реконструировать реальный ход следствия. Поэтому, ограничившись констатацией недобросовестности, а в ряде случаев прямой халатности или подлога, большинство историков прошлого уклонялись от более детального изучения этой проблемы.

Лишь в начале XX века известным русским архивистом и историком В. Клейном была предпринята первая попытка публикации этого документа. Ученый решил использовать в качестве ориентира те самые следы воды, о которых мы говорили выше. Предположив, что вода попала на документ в то время, когда он был только помещен в архив, В. Клейн попытался сложить части свитка, начиная с листов, где следы влаги были минимальны (по его мысли, это должны были быть первые завернутые в свиток фрагменты текста) и кончая наиболее пострадавшими листами, которые, согласно этой логике, были свернуты последними.

Долгое время именно эта реконструкция следственного дела считалась наиболее вероятной. Несмотря на то, что и после ее появления обоснованные сомнения относительно расположения различных частей документа продолжали оставаться, она все же позволила, дать, хотя бы в самых общих чертах, ответы на не-

сколько принципиальных вопросов. Прежде всего стало совершенно очевидно, что и после проведения следствия, материалы не стали окончательно достоянием истории, корректировались и исправлялись. Перед нами, несомненно, чистовой вариант дела, подготовленный для доклада царю. Таким образом, многие существенные детали там были опущены, начало отсутствовало вовсе, а в самом тексте документа были совершенно очевидны вкрапления, сделанные переписчиками этого документа уже в Москве.

Выводы этого исследования продержались почти сто лет, и лишь недавно была предпринята попытка установить по материалам стародавнего следствия новые факты. Ее предпринял молодой ученый А. Богданов, который построил свою реконструкцию первоначального вида следственного дела. При этом он опирался не на следы воды, а на филигранные, которые в качестве своего клейма ставили ремесленники, варившие бумагу, на изготавлившуюся ими продукцию. Идентифицируя филигранные и их расположение на широком "дестном" листе, который писцы впоследствии резали на полосы и их, собственно, использовали для письма, составив таким образом первоначальный дестный лист. Зная, в какой последовательности традиционно его резали и готовили к письму, можно без особых усилий установить не только последовательность написания документа, но и почерк и даже сменяемость писцов, а вместе с этим понять, какие части дела были изготовлены заранее в Москве, а что было записано в качестве реальных показаний подследственных.

Результаты этой работы свидетельствуют, что следователи уже приехали в Углич, имея на руках готовую версию самозаклания царевича, и вели следствие с готовыми вариантами ответов свидетелей. Допрашиваемым оставалось лишь принять или не принять предложенные им варианты ответов. Другой не менее важной задачей следствия была аргументация обвинения родственников погибшего царевича князей Нагих, никак не желавших соглашаться с версией следователей в "измене". И это ему удалось. Мать царевича — царица Мария Нагая по итогам

следствия была сослана в отдаленный монастырь и пострижена, а его дядя — Михаил, Григорий и Афанасий отправлены в ссылку по отдаленным волостям. Таким образом, автор новой реконструкции по итогам своего исследования склоняется к выводу, что дело о самозаклании царевича Дмитрия — есть величайшая мистификация, а на деле имел место широкомасштабный заговор против наследника и всей его семьи вообще, в котором на стороне заговорщиков выступил и сыграл большую роль в качестве главного следователя Василий Шуйский.

Однако вне зависимости от выводов следствия, как мы уже видели, призраку убитого царевича еще долго не было суждено упокоиться ни в сознании современников, ни в сознании потомков.

* * *

ИНТЕРВЕНЦИЯ

Дважды на протяжении XX века наша страна испытывала на себе все ужасы иностранной интервенции. В бытовом сознании крепко запечатлелись трагические эпизоды иностранного вторжения и оккупации обширных территорий России сразу же после Октябрьской революции и в начале Великой Отечественной войны. В значительной степени эта хорошо усвоенная историческая модель встает перед нашими глазами, когда мы окидываем взором то, что происходило в Русском государстве в начале XVII века. Однако, несмотря на все сходство произошедшего — кровь и смерть ни в чем не повинных людей, иностранное вмешательство во внутреннюю политику страны и утрату государственного суверенитета прошедшие столетия все же требуют внесения некоторой корректировки в эту конструкцию.

Во-первых, ни первый самозванец, ни все авантюристы, толпой следовавшие за ним на русскую политическую сцену, не пользовались, по крайней мере в начале, официальной поддержкой стоявших за их спинами иностранных государств. Как мы помним, польский Сейм категорически запретил своему королю оказывать какую-либо государственную помощь “названному” Дмитрию. Участие же отдельных польских панов в его военной аванюре, с точки зрения господствовавших в тогдашнем Польско-Литовском государстве обычаев, было таким же частным делом, как кушля-продажа имения или же участие в королевской охоте.

Во-вторых, национальный вопрос в той постановке, в которой его поставил конец XX века, не существовал в веке XVII. Польско-Литовское государство — Речь Посполитая и непосредственно прилегающая к Московской Руси ее составная часть — Великое княжество Литовское вовсе не было той Литвой, которую ныне знаем мы. Дело в том, что еще на заре зарождения московской государственности, когда большая часть

русских земель испытывала на себе гнет татарского ига, часть западнорусских княжеств, спасаясь от золотоордынского разорения, добровольно перешла под власть литовских князей и развивалась в составе Польско-Литовского государства вплоть до самого его развала в XVIII в. Поэтому, на поверку, многие из тех персонажей русской Смуты XVII века, которых мы по привычке называем поляками или литовцами, были самыми настоящими представителями русских дворянских фамилий, да еще и православного вероисповедания. Ревнителями православия называют князей Острогожских и Вишневецких. Род небезызвестного нам польского полководца Яна Сапеги происходил из смоленских бояр. Людьми "греческой веры" считали себя личные посланники Сигизмунда в тушинском лагере — А. Балабан и Станислав Домрадский и др.

В-третьих, судя по имеющимся у нас документам, московское войско также составляли отнюдь не только одни русские. В правительственных войсках мы находим и отряд венгров, татар, англичан, шотландцев, отдельное подразделение, состоящее только из французов во главе с капитаном де ля Вилем и, наконец, вспомогательный корпус шведов.

Таким образом, правильнее было бы говорить не об организованной интервенции, а о том, что некоторые подданные некоторых государств приняли участие во внутренних неурядицах в Русском государстве. Причем, поначалу участие это было сугубо неофициальным. Впрочем, официальное вмешательство Польши и Швеции в русские дела, о чем мы будем говорить ниже, было вызвано столь же официальными приглашениями из Московской Руси.

Оказавшись в условиях фактического двоевластия в стране, Василий Шуйский все более и более терял поддержку не только среди широких масс населения страны, но даже в своем ближайшем окружении. В условиях катастрофической нехватки войск для борьбы с тушинским лагерем и неуверенности в верности ему тех полков, которыми он располагал на данный момент, он принимает решение просить военную помощь у швед-

ского короля Карла IX. С этой целью в Выборге начались официальные переговоры, по результатам которых было подписано русско-шведское соглашение. Согласно его положениям, Швеция направляла в помощь русскому царю вспомогательный 5-тысячный корпус во главе с Якубом Делагарди. За оказанную помощь русская сторона обязывалась передать шведам Корелу с уездом и разрешить свободное хождение шведской монеты на территории всей России.

Весной в Новгороде высадились передовые части шведского экспедиционного корпуса. Соединившись с русскими войсками, которыми командовал князь Скопин-Шуйский, они совместно выступили против тушинцев. Началось успешное освобождение русской земли. Однако после взятия Торжка и разгрома основных сил тушинского войска под Тверью, шведы потребовали ушлаты жалования и передачи обещанного им г. Корелы с уездом. Не располагая требуемой суммой денег, Шуйский вынужден был обложить своих подданных тяжелыми налогами. Пока московское правительство лихорадочно собирало деньги, шведы забыли про свои союзнические обязательства и занялись прямым грабежом северных уездов Русского государства.

Находившаяся в состоянии войны со Швецией Речь Посполитая усмотрела в приглашении шведских войск в Россию недопустимое усиление своего давнишнего противника, война с которым в Ливонии еще не была закончена. Тогда в нарушение действующего между Россией и Польшей договора о перемирии, но, как это всегда бывает в таких случаях, "по официальной просьбе тушинского царя", польские войска вторглись в московские пределы. 16 сентября 1609 г. поляки осадили Смоленск.

Тем временем положение тушинского лагеря становилось все более и более катастрофическим. Пока шведы рыскали в поисках богатой добычи по Северу России, молодой Скопин-Шуйский продолжал боевые действия против самозванца. После взятия Калязина он очистил от тушинцев Переяславскую землю, Александровскую слободу и появился под стенами осажденного Сапегой и Лисовским Троице-Сергиева монастыря. В рядах

осаждавших началась паника, и монастырь был деблокирован. Все эти события способствовали началу самопроизвольного распада тушинского лагеря. Вконец утратившее дисциплину и жившее только грабежами населения с подконтрольной территории польско-казачье войнство при первых же признаках грозящей опасности рассыпалось. Сам Лжедмитрий II с Мариной бежал в Калугу. Войска под командованием Скопина-Шуйского 12 марта 1610 года без боя торжественно вошли в столицу.

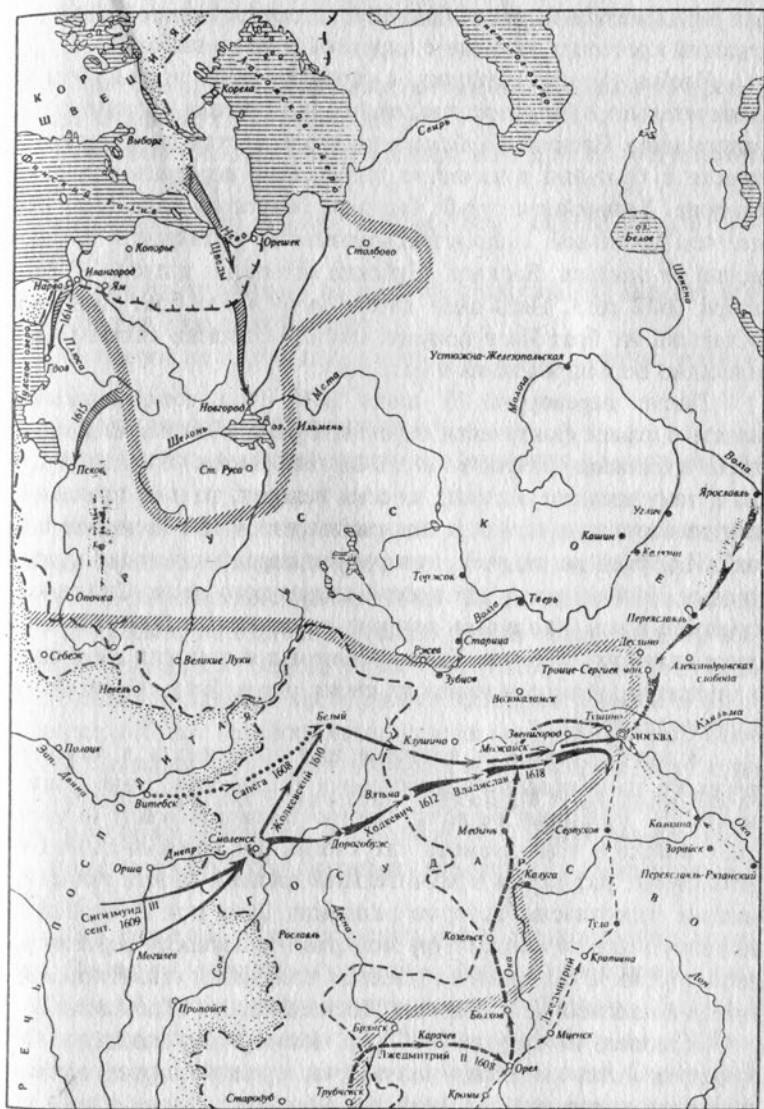
Пока в Москве праздновали победу над тушинцами, Смоленск продолжал героическую оборону от осаждавших его польских войск. За все время этой осады, длившейся с 16 сентября 1609 по 3 июня 1611 года, поляки так и не смогли одолеть оборонявшийся город небольшой гарнизон под командованием воеводы Михаила Шеина. Ни многочисленные штурмы, голод, эпидемии и непрерывные артиллерийские обстрелы не сломили стойкости обороняющихся. На защиту города встали не только ратники, но и посадский люд, ремесленники, а также крестьяне из окрестных сел, нашедшие в Смоленске убежище от мародерства захватчиков. Так и не сумев взять город, основные силы польских войск двинулись на Восток с целью захватить Москву.

Между тем, в столице на пиру у князя И. М. Воротынского по случаю рождения сына был злодейски отравлен князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Он по праву считается одной из самых привлекательных фигур в исторической драме Смутного времени. По отзывам современников, это был рослый, статный красавец, обладавший не только приветливыми манерами, но и проницательным умом и большим талантом полководца. Погиб он в зените общенародной славы, вызванной его успешной борьбой против интервентов и самозванца. О степени его популярности говорит тот факт, что даже глава рязанского дворянского ополчения Прокопий Ляпунов, всегда хорошо ориентировавшийся в политической конъюнктуре тех дней и более известный нам своими многочисленными "перелетами" из лагеря в лагерь различных политических сил, открыто предлагал ему венчаться на царство вместо скомпрометировавшего себя в гла-

зах народа Василия Шуйского. Не удивительно, что Скопину-Шуйскому завидовали, его боялись и ненавидели. Доподлинно неизвестно, чья рука подсыпала яд в чару с вином знаменитого полководца. После его смерти народная молва приписывала это злодеяние младшему брату царя — князю Дмитрию Шуйскому, а самого царя Василия считали соучастником этого преступления.

Польское войско быстро приближалось к Москве. Организовать отпор наступающему неприятелю было поручено тому же Дмитрию Шуйскому. С 40-тысячным войском, усиленным шведским союзником, который все же получил свое жалование, он двинулся навстречу полякам. Решительное сражение состоялось 24 июля 1610 года у села Клушино близ Можайска. Здесь московская рать потерпела сокрушительное поражение. Часть шведского корпуса перешла на сторону поляков, оставшаяся половина во главе с самым главнокомандующим герцогом Делагарди почла для себя за благо ретироваться, ушла на север, оккупировала Новгород и Корелу. С тех пор и до конца Смуты шведы не принимали активного участия в боях в Центральной России.

Положение же Василия Шуйского становилось все более и более безнадежным. Оно осложнялось и тем, что Лжедмитрий II активизировал свои действия. Его отряды захватили Серпухов и Коломну. С запада же к Москве подходили польско-литовские войска под командованием гетмана Жолкевского. 17 июля 1610 года в результате широкомасштабного заговора, во главе которого стояли брат уже знакомого нам предводителя рязанского дворянства П. Ляпунова — Захарий, Иван Салтыков и др., и при поддержке посадского населения Москвы был свергнут с престола боярский царь Василий Шуйский. Причем, в качестве повода к свержению очередного государя народу предъявили не доказательства тех реальных преступлений, в которых он был действительно повинен, а такое объяснение, что Василий Шуйский "...не по правде, не по выбору всей земли русской сел на престол и был несчастен на царстве". Как будто бы кто-либо из

Польско-шведская интервенция в Россию в нач. XVII в.

его предшественников и ближайших последователей занимал русский престол в согласии с народной волей и выбором!

Чтобы убрать Шуйских с политической арены России окончательно и бесповоротно, одного низложения с трона показалось мало. Василия Шуйского насильно постригли в монахи и вместе с братьями в качестве заложников передали польской стороне. Дальнейшая судьба бывшего боярского царя была более чем печальной. Подвергшись множеству унижений и притеснений от поляков, Василий Шуйский скончался в плену 12 сентября 1612 года. Пять дней спустя умер и его брат Дмитрий. Младший же брат Иван получил свободу согласно статьям Деулинского перемирия лишь в 1618 году.

После переворота 17 июля 1610 года государственная власть в стране фактически перешла в руки к Боярской думе во главе с ближним боярином Ф. И. Мстиславским. Поскольку Дума к тому времени состояла из семи человек, то и ее правление вошло в русскую историю под емким названием "семибоярщина". И первой же задачей, которая встала перед новыми правителями, был вопрос о преемнике свергнутого царя. Сложность состояла в том, что в этом вопросе среди членов Думы не было даже видимого согласия. Таким образом, все попытки выдвинуть кандидатуру нового монарха из своих рядов были обречены на полную неудачу.

В этих условиях и возникла идея короновать в качестве русского царя польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III. Этот план позволял быстро закончить войну (а польские войска к тому времени уже стояли под стенами столицы), дать стране государя и в значительной степени обойти вышеназванные разногласия, которые раздирали Думу при ее попытках выдвинуть новую кандидатуру монарха. Начавшиеся переговоры шли трудно. С польской стороны их возглавлял главнокомандующий польскими войсками под Москвой гетман Жолкевский.

Наконец, 17 августа 1610 года договор был подписан. Согласно его статьям, Владислав получал русскую корону при выполнении следующих обязательств:

крещение Владислава в православную веру;

прекращение сношений с Папой Римским по вопросам веры;

смертная казнь тем русским, которые отступятся от православия и перейдут в католичество;

немногочисленность свиты Владислава при его вступлении в Москву;

принятие и сохранение Владиславом полного титула русского царя;

женильба Владислава на русской православной невесте при наступлении совершеннолетия;

очищение всех русских земель и городов, занятых поляками;

отпуск всех русских пленных;

отступление польской армии от Смоленска на свою территорию.

Подписав соглашение, бояре не имели окончательного согласия самого претендента и его отца. Тем не менее был отдан приказ о немедленной присяге царю Владиславу. Московский договор ставил москвичей и русских людей перед трудным выбором: покориться боярам с их чужеземным принцем, либо предпочесть истинного православного Дмитрия. Миф о добром сыне царя Ивана Грозного вновь стал овладевать воображением людей. Большая часть столичного населения не приняла участия в церемонии присяги Владиславу, устроенной боярами на Новодевичьем поле. В ночь на 21 сентября 1610 года в Москву вошли польские войска под командованием гетмана Жолкевского и заняли Кремль.

Тем временем в стан польских войск, продолжавших осаждать Смоленск, спешило московское Великое посольство. Главной задачей руководителя посольства князя Голицына было согласовать текст подписанного в Москве договора с волей польского монарха. Однако к тому времени в окружении Сигизмунда III возобладала партия войны. Король и слышать не хотел о посылке в Москву своего сына и был всецело поглощен единственной целью — взять истекающий кровью Смоленск. Конечно

же, ни о каком очищении Северских земель в этих условиях не могло быть и речи. Королевские сановники ультимативно потребовали от русских послов сдать Смоленск. Русские послы пытались толковать о принятии Владиславом их веры. Канцлер Лев Сапега смеялся на это им прямо в глаза. "Королевич крещен", — заявлял он, — "а другого крещения не писано". Практически посольство оказалось в польском лагере на правах заложников. 21 ноября 1610 года поляки возобновили штурм Смоленска.

Город пал полгода спустя после того, как осаждавшим удалось подорвать одну из башен крепости, которая, осев, образовала брешь в стене. Но и после этого гарнизон города отразил три попытки королевских войск проникнуть в город через этот пролом. Однако длительная осада обескровила его защитников. Из более чем 80-тысячного населения города в живых осталось 8 тысяч. Не желая сдаваться на милость победителя, часть этих людей заперлась в храме и взорвала себя оставшимися бочками с порохом. Так закончилась эта героическая страница истории Смуты. Сигизмунд распорядился арестовать наиболее влиятельных членов русского посольства и вместе с плененным воеводой Шеиным отправить их в Польшу.

Начался тяжелый период иностранной интервенции. Поляки чувствовали себя полными хозяевами в центре страны. Шведы оккупировали северные уезды и Великий Новгород. "Семибоярщина" во главе с Ф. И. Мстиславским утратила свою роль в управлении страной. Россия стояла на пороге потери своей государственной самостоятельности.

* * *

НАЧАЛО ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕН- ЦИИ. ПЕРВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

В русском обществе все же сохранялись здоровые силы, выступавшие за организацию сопротивления, изгнание оккупантов за пределы России и воссоздания русской государственности. Традиционно такой силой выступала православная церковь. Всероссийский патриарх Гермоген, возведенный в этот сан еще самим Василием Шуйским, резко осуждал как саму идею заговора бояр с целью свержения царя, так и всякие компромиссы с поляками. Когда же переворот стал свершившимся фактом, Гермоген резко критиковал идею возведения на русский престол польского королевича и предлагал сделать царем либо князя Василия Голицына, либо сына митрополита Ростовского Филарета — Михаила Романова.

Именно по инициативе и при деятельном участии патриарха из Москвы стали рассылаться грамоты по городам и весям с призывами создавать народные ополчения для борьбы против поляков. В столице распространилась анонимная патриотическая "Новая повесть о преславном Российском царстве", автор которой горячо призывал к вооруженной борьбе с иноземными захватчиками.

Раньше всех на призывы Москвы откликнулась Рязанская земля. Здесь было создано первое народное ополчение. Возглавил его хорошо нам известный Прокопий Ляпунов, человек энергичный и деятельный, но склонный к политической авантюре и не раз менявший свою политическую ориентацию. В состав ополчения вошли также служилые люди из других городов: Нижнего Новгорода, Вологды, Ярославля. Были в его составе и казацкие формирования, возглавлявшиеся атаманом Иваном Заруцким, и представители тушинского лагеря. Весной 1611 года ополчение подошло к столице.

Несмотря на усилия Мстиславского-"сотоварищи", в Москве царили чувства уныния и обреченности. Приказы бездействовали. Немногие оставшиеся в городе приказные люди слонялись без дела. Все это объективно способствовало росту авторитета новой власти, складывавшейся в лагере первого ополчения.

В апреле 1611 года Ляпунов и Заруцкий провели присягу в полках. Среди ее положений были:

стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними столкнулся;

очистить Московское государство от польских и литовских людей;

не подчиняться указам бояр из Москвы, а служить государю, который будет избран всей землей.

Новая власть объявила всеобщую мобилизацию. Она предписала всем служилым людям прибыть в осадный лагерь под Москву не позднее мая 1611 года. К стенам столицы потянулись дворяне из разных, порою самых отдаленных мест страны. Здравые настроения стали даже появляться и среди столичных дворян, до последнего момента цеплявшихся за "семибоярщину". В стане ополченцев появилось много перебежчиков.

Вскоре в земском ополчении стихийно возник свой Земский собор. Поскольку рать была снаряжена многими уездами и городами, военный совет ополчения получил наименование Совета всей земли. На протяжении апреля-мая этот орган принял множество постановлений, которые были объединены и торжественно утверждены 30 июня 1611 года в Общий приговор, своего рода Конституцию. Под ней поставили свои подписи представители более чем 25 городов и земель.

После долгих обсуждений Совет земли решил сосредоточить военное и политическое руководство движения в руках избранной троицы в составе Прокопия Ляпунова, наиболее родовитого в ополчении князя Дмитрия Трубецкого и вождя казацких отрядов Ивана Заруцкого. Члены этого триумvirата не получили от Совета никаких привилегий, кроме обычных бояр-

ских земельных окладов. В своей деятельности они опирались на созданные здесь же приказы: Поместный, Разрядный и пр.

Тем временем в помощь осажденному польскому гарнизону в Москву из-под Смоленска был послан корпус под командованием гетмана Ходкевича. Узнав об этом, руководители ополчения решили предпринять штурм Москвы, не дожидаясь подхода основных сил неприятеля. 15 сентября 1611 года, придвинув к стенам Китай-города десяток мортир, они начали артиллерийский обстрел города. От загоревшейся соломы на одном из складов в посаде возник пожар. Пользуясь возникшим смятением в рядах поляков, земские ратники бросились на штурм, овладели крепостными воротами и прорвались в Китай-город. Спасаясь от наступающих войск и охватывающего все новые и новые улицы пожара, польский гарнизон заперся в Кремле. Орудия с кремлевских башен начали обстреливать городские кварталы. Это свело на нет все попытки земских ратников потушить стремительно распространявшийся по городу огонь. Однако положение осажденных ухудшалось с каждым днем. Лишь прибытие польских войск под командованием Ходкевича спасло польский гарнизон от безоговорочной капитуляции.

В конце сентября Ходкевич разбил лагерь к югу от Москвы и бросил все свои силы на позиции казаков, стоявших укрепленным остожком на Яузе. Однако состоявшееся под стенами Москвы сражение не принесло полякам победы. Казаки, возглавляемые самим Заруцким, сражались с таким упорством, что ветераны Ходкевича дрогнули и стали отступать. Заруцкий повел своих людей в контратаку, в ходе которой наступавшие были рассеяны. Таким образом, Ходкевич не достиг ни одной своей цели. Он не смог разбить земское ополчение, ни снять осаду Москвы. Разрозненные польские отряды вновь отступили к Смоленску.

Наступила осень. Разграбленная, выжженная и обезлюженная, московская земля не могла прокормить стоявшее под столицей земское войско. Еще в начале осады многие служилые люди, за неимением казенного содержания, жили в основном за

счет корма, присылаемого им из своих имений. Теперь же, когда дороги размыла осенняя распутица, и этот канал хоть какого-то снабжения армии был почти перекрыт. К тому же победа в подмосковных боях была куплена дорогой ценой. Потери земцев в живой силе были огромны. Людьми овладела апатия и усталость. Поместное ополчение таяло на глазах. "Конституция" 30 июня 1611 года провозгласила земельные льготы оскудевшим дворянам за их участие в освободительной борьбе. И вот теперь приходилось платить по счетам. Земский приказ что ни день выписывал грамоты на поместья. Служилые люди спешили на места, чтобы утвердиться в новых владениях.

Таяло ополчение, и вместе с тем рушился фундамент, на котором зиждилась власть земского правительства. В руководстве восставшими начались разногласия между П.Ляпуновым, с одной стороны, и Заруцким и Трубецким — с другой. Ляпунов попрекал своих соратников тем, что они прежде служили "тушинскому вору" и запрещал казакам Заруцкого грабить местное население. Прознав про это, поляки подготовили подложную грамоту с искусно подделанной подписью Ляпунова, в которой говорилось о том, будто бы он приказал горожанам бить и топить без пощады всех казаков. Обозлившись, казаки собрали свой круг, позвали Ляпунова и убили его.

Последняя попытка земцев взять приступом Москву состоялась в начале декабря 1611 года под командованием атамана Просовецкого. Казаки взорвали ворота в Китай-городе и ворвались в крепость, но были встречены кинжальным огнем батареи из тридцати орудий. Штурм захлебнулся в крови. Неудача повергла земцев в еще большее уныние. К тому же к концу зимы провиант войска подошел к концу. Первое ополчение распалось бесповоротно.

* * *

ОРГАНИЗАЦИЯ ВТОРОГО ОПОЛЧЕНИЯ. К.МИНИН И Д.ПОЖАРСКИЙ

После гибели Ляпунова его место занял популярный казацкий атаман И.Заруцкий. В условиях распада земского войска он предпринял попытку прекратить смуту, предложив посадить на русский трон сына Марины Мнишек и самозванца — "царя Ивана Дмитриевича" (московские люди называли его "Воренком"). Это обстоятельство привело к утрате доверия к нему со стороны городов, посылавших свои отряды под знамена первого ополчения. В августе 1611 г. Казань и Нижний Новгород выработали соглашение, по которому предупредили, что не потерпят смещения воевод, посланных ими для освобождения Москвы, и не признают назначений, произведенных Заруцким.

Указанное соглашение явилось своеобразным прологом к организации второго ополчения. Традиционно Нижний Новгород не имел своего епископа и находился в непосредственном ведении патриарха. По этой причине нижегородцы решили обратиться за духовным советом к удерживаемому поляками в осажденной Москве патриарху Гермогену. Тула с ответственной миссией был направлен специальный посол Моисеев. Ему удалось проникнуть в осажденный Кремль и увидеть престарелого иерарха. Гермоген выслушал посла и заявил о своей полной поддержке нижегородского почина организации нового земского ополчения. Это и было написано в ответном обращении патриарха к жителям Нижнего Новгорода. Обращение патриарха к нижегородцам стало его политическим завещанием. Некоторое время спустя он был лишен поляками своего сана и заточен в Чудов монастырь, где окончил свои дни. Моисеев спрятал патриаршую грамоту и доставил ее по адресу. Она явилась мощным катализатором дальнейших событий.

Одним из главных организаторов и вдохновителей второго ополчения стал нижегородский торговец мясом, земский старо-

ста Кузьма Захарович Минин, получивший впоследствии всенародную известность, как "выборный от всея земли человек". Именно его горожане избрали земским старостой своего города. Не раз выступая перед нижегородцами на площади перед съезжей избой в центре города, он призывал жителей подняться на борьбу с иноземными насильниками за освобождение Русского государства, за православную веру, не жалеть живота своего, а на содержание ратных людей отдать "все злато и серебро и, если надо будет, продать имущество, заложить жен и детей своих". Призывы Минина были услышаны и получили поддержку. В городе начался сбор средств на создание нового ополчения. Горожане постановили, что для снаряжения войска с каждого хозяина будет взиматься сумма, равная 1/5 всего его имущества.

Патриотическое движение вскоре вышло за пределы Нижнего Новгорода. Добровольные денежные пожертвования пошли из многих других русских городов. Церковь, поддерживавшая начинание нижегородцев, обязалась выплачивать также свой взнос в размере 1/5 доли от всей стоимости своего имущества ("пятая деньга"). Крупные займы давали и купцы.

Военным руководителем движения стал князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Он родился в 1578 г. и происходил из знатного, но оскудевшего рода князей Стародубских. При царе Борисе князь Дмитрий числился в должности стряпчего с ключами — весьма ответственной в те времена придворной должности в свите царя. Его военная карьера началась при царе Василии Шуйском, когда в качестве зарайского воеводы в 1610 году он успешно оборонял город от польских войск. В отличие от многих своих современников, он не подстраивался под быстро сменяющуюся политическую конъюнктуру. Он не присягал "тушинскому вору", не просил милости у польского короля, не потакал Ляпунову в его попытках сделать Скопина-Шуйского царем. До последнего дня князь был верен царю Василию Шуйскому не потому, что симпатизировал ему, а потому, что, как он сам не раз заявлял, станет "...целовать крест тому, кто на Москве будет царем." Такая твердая позиция невмешательства в по-

68

литику не раз чуть не стоила Дмитрию Михайловичу головы. Так, именно за нежелание присягать "тушинскому вору", жители Зарайска хотели убить его. Однако Пожарский заперся с гарнизоном и выдержал осаду в каменном Кремле города. В момент описываемых событий он находился у себя в вотчине Мугрееве, где залечивал раны, полученные в прежних боях.

Князь принял предложение нижегородцев возглавить новое ополчение с одним лишь непременным условием, чтобы Кузьма Минин стал его первым помощником и возглавил тыловое обеспечение готовящейся операции. Вплоть до февраля 1612 года проходили интенсивные приготовления к походу. За это время о своем участии в новом ополчении заявили Смоленск, Дорогобуж, Вязьма, Коломна, Арзамас, Рязань. Ратные и служилые люди, жители многих других областей страны добровольно со своим вооружением и обозами вливались в состав нового земского войска.

По мере роста силы и влияния нового ополчения продолжался развал ополчения предыдущего, стоявшего на подступах к Москве. Возглавлявший его казацкий атаман Иван Заруцкий не только дискредитировал себя в глазах соратников тем, что пытался произвести кадровые изменения в военном руководстве своей армии без согласия на то "всей земли", но и стремлением посадить на русский престол малолетнего сына Марины Мнишек. Руководителей нового ополчения он рассматривал как конкурентов и поэтому объявил их "мятежниками".

После гибели своего второго мужа Лжедмитрия II от руки князя Урусова в Калуге в 1610 году, Марина Мнишек вместе с сыном все время находилась в лагере Заруцкого. И вот теперь, убедившись в полном провале возглавляемого им земского войска и столкнувшись с законным недоверием к своим действиям со стороны лидеров нового ополчения, казацкий атаман с Мариной и ее сыном во главе части своих отрядов покидает подмосковные позиции и уходит на Дон. Командование немногочисленными оставшимися отрядами ополченцев и казаков под Москвой принимает на себя князь Трубецкой.

В середине февраля 1612 года передовой отряд второго ополчения направился в Ярославль. В конце марта туда подошли и основные силы во главе с князем Дм.Пожарским. Путь войска пролегал через города Юрьевец, Кинешму, Кострому. Силы ополчения пробыли в Ярославле четыре месяца. За это время были сформированы руководящие органы движения. Их структура мало отличалась от структуры аналогичных учреждений прежнего ополчения. Был создан Совет Всея Земли и временные приказы при нем.

Помимо чисто военных приходилось решать и вопросы хозяйственного, дипломатического и внутривополитического характера. В частности, нехватка наличных денег для похода на Москву заставила руководителей ополчения вступить в переговоры о финансовой помощи со стороны австрийского короля. В лагере ополчения даже побывал императорский посол Иосиф Грегори. Чтобы нейтрализовать возможное военное вмешательство шведского корпуса, продолжавшего оккупировать Северные русские земли, было решено вовлечь шведов в переговоры о возможном избрании на русский престол королевича Карла-Филиппа. Тем более, что часть новгородского боярства в этом вопросе заняла соглашательскую позицию. И хотя сами руководители ополчения прекрасно понимали всю несбыточность данного проекта, тем не менее вовлечение шведов в длительные и бесплодные переговоры могло удержать их от соблазна повторной попытки вооруженного вмешательства в русские дела.

29 июля 1612 г. ополчение подошло к Троице-Сергиевой лавре. Здесь до его руководителей впервые дошли сведения о том, что на помощь осажденным в Москве польским войскам движется новый польский корпус под командованием все того же гетмана Ходкевича, получившего в предыдущую кампанию большой боевой опыт ведения боевых действий в Подмосковье. Было решено спешно продолжить марш к столице.

Передовые отряды ополченцев подошли к Москве немногим ранее поляков и расположились полукругом от Тверских до Пречистенских ворот. В то время блокаду города продолжали

осуществлять оставшиеся разрозненные отряды первого ополчения под руководством князя Трубецкого и атамана И. Заруцкого. О всей сложности взаимоотношений обоих ополчений и их руководителей говорит тот факт, что, по наущению Заруцкого, на Д. М. Пожарского было совершено неудачное покушение. Поэтому об объединении сил для борьбы с общим врагом не было и речи. Появившийся под стенами русской столицы Ходкевич стал лагерем на берегу Москвы-реки у Крымского брода.

Первое столкновение между противниками произошло 22 августа близ Новодевичьего монастыря. В ходе этого боя полякам удалось переправиться через Москву-реку, и лишь вмешательство казацких сотен Заруцкого, послушавшихся приказа князя Трубецкого о нейтралитете и выступивших на стороне Минина и Пожарского, спасло положение. Не ожидавшие флангового удара польские роты вынуждены были отступить за реку к Поклонной горе.

Главное сражение, в котором решалась судьба столицы, развернулось лишь день спустя, 24 августа, на правом берегу реки. В ночь с 23 на 24 августа отряду из 500 гайдуков Ходкевича удалось проникнуть в осажденный Кремль на помощь польскому гарнизону. Усиленные этим отрядом, осажденные польские войска под командованием полковника Струся совершили дерзкую вылазку из ворот Китай-города, переправились через реку и овладели позициями ополченцев близ церкви Св. Георгия. Ходкевич, в свою очередь, двинул свои полки к Донскому монастырю, стараясь зайти в тыл ополченцам с незащищенной юго-восточной стороны. Однако земской пехоте удалось остановить продвижение поляков. Завязался упорный бой, в котором, несмотря на колоссальные потери с обеих сторон, удача сопутствовала полякам. Ополченцы вынуждены были отступить на левый берег реки Москвы. Польские роты начали преследование и вслед за отступающими также переправились на левый берег. В этот момент Кузьма Минин направил послов в стан князя Трубецкого с просьбой его казакам помочь в отражении атаки. Зная весьма свободные, если не сказать анархические нравы значительной

части казачества, Минин посулил им весь польский обоз в качестве военного приза. И это оказалось главным аргументом в пользу выступления на стороне нижегородцев. Казаки ринулись в бой и опрокинули боевые порядки наступающих поляков. Пока же шло сражение, он сам вместе с отборной дворянской дружиной переправился на другой берег Москвы-реки и ударил в тыл польским войскам.

В стане Ходкевича поднялась паника. Бросив весь обоз, артиллерию и провиант, гетман был вынужден спешно отступить из русской столицы. В значительной степени это предreshило судьбу польского гарнизона в Кремле.

Еще в начале июня наиболее дальновидные из польских командиров, находившихся в осажденном городе, стали понимать, что для них это “московское сидение” скорее всего кончится катастрофой. Так, Кремль покинул полковник Зборовский со своим отрядом. Немногим позже в путь отправился и сам гетман Гонсевский, руководивший обороной. Он переложил свои обязанности на единственного оставшегося в городе польского командира — полковника Струся. Перед тем как покинуть город, Гонсевский потребовал, чтобы Боярская дума выплатила все причитавшееся его наемникам жалование, а чтобы удержать их в городе, он же объявил о повышении этого жалования. Начался неприкрытый грабеж казны. Бояр уже ни о чем больше не спрашивали. Им просто предъявляли счета. Оклады достигли фантастических сумм. Достаточно сказать, что только жалование рядового гайдука составляло 300 рублей, сумму, равную боярскому жалованию. Когда денег не стало хватать, наемники стали брать натурой. Среди вещей, попавших к ним в руки, были фамильные сокровища московских князей и царские регалии.

До поры до времени командование польского гарнизона стремилось удержать в Кремле семьи бояр и дворян в качестве заложников. Но когда к сентябрю в крепости начался голод, чтобы избавиться от лишних ртов, поляки обошли все боярские и дворянские дома, собрали находившихся в них детей, женщин, стариков и под конвоем солдат вытолкали их за ворота города.

Беженцы были радушно приняты в земском лагере и распределены по дворянским семьям.

Однако все эти усилия не помогали. 4 октября от голода умер первый польский солдат. Стремясь предотвратить окончательную гибель гарнизона, польские полковники прибегли к мерам, поразившим даже местных мародеров. Они распорядились вывести из тюрем всех пленных, забить их и отдать на съедение гайдукам. Эти каннибальские меры только усугубили положение осажденных. Начав с пленных, солдаты, обезумевшие от голода, стали убивать друг друга. 26 октября 1612 года, убедившись в своей обреченности, польский гарнизон капитулировал. Земская рать со стороны Арбата торжественным маршем с развернутыми знаменами под шум ликующей толпы горожан проследовала на Красную площадь. Там она соединилась с участвовавшими в освобождении столицы отрядами князя Трубецкого. Войска сошлись возле Лобного места и через Спасские ворота вошли в Кремль.

* * *

ИЗБРАНИЕ НОВОГО ЦАРЯ

С освобождением Москвы от интервентов вопрос о выборе новой власти стал более чем актуальным. Продолжалась война с Польшей, и войска Сигизмунда III только что чуть снова не взяли Москву. В конце ноября в ходе кровопролитных боев казаков с польскими авангардами под Тушино удалось заставить короля повернуть восвояси. Шведы продолжали оккупировать Новгород и Корелу, а новгородские бояре, вспомнив времена былой независимости, согласились признать свое подданство шведскому принцу Густаву-Филиппу и слали в Москву петиции с требованием посадить своего нового суверена на русский престол. Эти и многочисленные другие проблемы, стоявшие перед вконец разоренной десятилетней смутой страной, могла решить лишь сильная государственная власть.

Этому и был посвящен собравшийся в начале декабря 1612 года Земский собор. В его повестке стоял лишь один вопрос — о выборе нового царя. Это был, пожалуй, наиболее представительный из всех Земских соборов, когда-либо созывавшихся в России. На нем были представлены практически все слои населения, включая казачество и черносопных крестьян. Практически в полном составе присутствовали бояре и жившие в городах дворяне. Было существенно расширено сословное представительство. Если на прежних соборах власти приглашали в столицу не более чем по десяти представителей каждого сословия от каждой отдельной земли, то теперь таковых представителей приглашали по тридцать человек. За владельческих крестьян представляли их помещики.

На корону претендовали многие знатные фамилии, и никто не желал добровольно уступать дорогу. Со времени смерти бездетного царя Федора с претензиями на трон выступали и князь Мстиславский, и дядя будущего царя боярин И. Романов; позже о своем желании занять престол заявили и князья Голицыны.

Однако Мстиславск настолько скомпрометировал себя в качестве главы семьи рипины и пособника интервентов, что его шансы на успех в сложившейся ситуации были крайне малы. Князь Голицын вместе с отцом будущего царя — патриархом Филаретом продолжал пребывать в польском плену, и возвращения его на тот момент не предвиделось. Не имел широкой поддержки среди будущих избирателей и боярин И. Романов.

Дворяне выдвинули из своей среды князя Черкасского, который, хотя и мог похвастаться родством с семьей Грозного по линии жены Марии Темрюковны, а также некоторыми заслугами в освободительном движении, но в целом не обладал достаточной поддержкой для избрания царём. Среди прочих называлась фамилия и князя Д.Трубецкого. Однако этот проект упирался в позицию старших бояр, которые не видели в нем будущего царя с точки зрения родовитости и местничества.

Казаки во главе все с тем же атаманом Заруцким выдвинули "царевича" Ивана Дмитриевича — сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II. За спиной этого кандидата стояло большое казачье войско. Заруцкий попытался было с его помощью "добыть" своему ставленнику Рязань, однако, получив отпор от рязанского воеводы Ивана Бутурлина, вынужден был ретироваться. На этом политическая карьера малолетнего претендента была закончена.

На этом фоне выдвинутая фигура шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова мало кем рассматривалась всерьез. В течение всей осады Кремля он находился в Москве при дяде боярине И. Романове, смертельно боялся народа и не помышлял о какой-либо борьбе с оккупантами. Да и сам он поначалу решительно отказался от сделанного ему столь лестного предложения. Не случайно, что в первые дни Собора его кандидатура была решительно отвергнута.

Чувствуя, что в данной ситуации царского венца им не видать и не желая смириться с этим, бояре Мстиславские — "со-товарищи" репили пуститься на знакомый еще со времен низвержения Василия Шуйского трюк. Они навязали Собору рассмот-

рение вопроса о приглашении на русский престол одного из иноземных королей. Когда об этом стало известно, в Москве поднялась буря негодования. Посыпались прямые угрозы в адрес бояр, самой невинной из которых была не пускать боярина Федора Мстиславского в Кремль. Поэтому организаторам Собора в лице Минина, Пожарского и Трубецкого пришлось принять радикальное решение: обязать Мстиславского и его сторонников покинуть столицу. Официально же было сообщено, что бояре отбыли на богомолье.

Тем временем группировке, поддерживавшей Михаила Романова, удалось одержать две крупные победы. Во-первых, удалось принять решение об отправке в Польшу послов, которым вменялось в обязанность требовать освобождения князя В.Голицына и патриарха Филарета, отца Михаила. Несмотря на то, что сам патриарх не был причастен к организации освободительного движения, он имел мужество выступить против решения "семибоярщины" о сдаче Смоленска. Он обладал большим авторитетом среди членов второго ополчения. Во-вторых, ей же удалось провести своих сторонников в Троице-Сергиевой лавре, на которой выработать общий план действий.

Почин нового выдвижения Михаила Романова на престол взяли на себя казаки. Будучи менее зависимыми от властей в смысле земельных пожалований и феодальных прав, они мало что теряли в случае неуспеха акции. Со свойственной им безапелляционностью, они предложили вновь Михаила Романова на царство от лица всего казачества и черносошного крестьянства. Не случайно, впоследствии родовитые бояре в усмешку называли Михаила Романова казацким царем. Поначалу шумный демарш сторонников Романова не произвел должного впечатления. Перелом наступил в тот момент, когда сторонники избрания Михаила предложили Собору выйти на Красную площадь и узнать мнение народа. Ведущий заседание Собора князь Трубецкой растерялся, что позволило сторонникам Романовых осуществить задуманное. В сопровождении келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына, боярина Морозова и др. процессия

проследовала на Красную площадь. Гул толпы, сопровождав
речь Морозова и его вопрос о том, достоин ли Михаил царства,
был воспринят как знак одобрения. Единственное, что мог сде-
лать в этих условиях Трубецкой, это отложить слушание дела
на две недели.

21 февраля 1613 года рассмотрение вопроса продолжилось.
По свидетельству очевидцев, Кремлевский Дворец был перепол-
нен. Все ждали развязки. Появившийся на заседании боярин
Мстиславский отчаянно пытался помешать наметившемуся со-
гласию. Ему вторил родной дядя Михаила — боярин Иван Рома-
нов, которого задело такое предпочтение к своему племяннику.
На улице шумела многолюдная толпа, требовавшая, чтобы со-
борные чины немедленно присягнули Михаилу. В этом шуме то-
нули речи противников избрания Михаила Романова.

Состоявшееся затем голосование окончательно подтвердило
и закрепило победу сторонников Михаила. Дьяки тут же соста-
вили крестоцеловальную грамоту. Члены Думы и Собора утвер-
дили ее и присягнули новому царю. 14 марта 1613 года предста-
вители Земского собора виделись с претендентом в Ипатьев-
ском монастыре под Костромой, где он пребывал на богомолье
вместе с матерью-инокиней Марфой. Там они и нарекли Миха-
ила Романова царем. Смутное время подошло к своему логиче-
скому завершению.

* * *

Костомаров Н.И. К.З.Минин-Сухорук и князь Д.М.Пожарский//Там же. С.424-432.

Костомаров Н.И. Филарет Никитич Романов//Там же. С. 433-439.

Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1990. Т. X-XI.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В кн: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 т. М., 1988. Кн.2. Т.3-4.

Ключевский В.О. Общий курс лекций по русской истории. В кн: Ключевский В.О. Сочинения. М., 1988. Т. III.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. М., 1937.

Зимин А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки I крестьянской войны в России. М., 1986.

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.

Скрынников Р.Г. На страже Московских рубежей. М., 1986.

Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII века. "Смута". М., 1988.

Буганов В.И. Мир Истории: Россия в XVII столетии. М., 1989.

Валишевский К. Смутное время. М., 1989.

Васильев П. Тайны русской истории. М., 1990.

Морозова Л.Е. Смутное время в России (конец XVI—нач. XVII вв.) М., 1990.

Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в: Казачество на переломе истории. М., 1990.

Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605). Л., 1992.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994.

Подписано в печать 20.10.94. ЛР020273. Гарнитура Таймс. Формат 84х108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 5. Тираж 2000 экз. Заказ 221.

Издательство „ГИТИС”, 103009 Москва, Собиновский пер., 6.

АО „Чертановская типография”
113545, Москва, Варшавское шоссе, 129а

